

18+

Номен Нескио

День воина

Историческая фантазия
о событиях при селе
Шевардино в августе
1812 года

Номен Нескио
День воина. Историческая
фантазия о событиях при селе
Шевардино в августе 1812 года

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45550013
ISBN 9785005047878

Аннотация

Незаслуженно забытое сражение, при котором защитники шевардинского редута сдерживали наступление правого крыла наполеоновской армии, дав возможность подготовиться к генеральному сражению Отечественной войны 1812 года.

Содержание

День воина	5
***	6
***	23
«Прекрасная Эльжбета Марциновска»	67
Яблоко на траве	93
Конец ознакомительного фрагмента.	109

**День воина
Историческая фантазия
о событиях при
селе Шевардино
в августе 1812 года**

Номен Нескио

© Номен Нескио, 2022

ISBN 978-5-0050-4787-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Номен Нескио

День воина

(Историческая фантазия о событиях при селе Шевардино в августе 1812 года)

Посвящается 205- летию сражения при деревне Шевардино в августе 1812 года.

Неожиданное приглашение

Дело шло к обеду, когда в кабинет начальника отдела по сотрудничеству и культуре посольства России во Франции, Андропова Ивана Тимофеевича, вошло несколько человек. Совершенно не обращая внимания на своих коллег, хозяин кабинета занимался затачиванием карандашей, вставляя их по очереди в старинное приспособление в виде металлической коробочки с крутящейся ручкой. После очередной заточки, он несколько раз дунул на острый грифель и, не поднимая глаз на приглашённых, спросил, взяв в руки следующий карандаш:

– Ну те-с..., дамы и господа..., кто... желает... прокавиться... в.... Ниццу?

Говорил он медленно, делая после каждого слова длительную паузу, как делает человек, который исполняет физическую работу. Присутствующие переглянулись. Надо сказать, что это предложение, вопреки планам различных культурных мероприятий, было неожиданным. Да и самих мероприятий было не так уж и много. Францию раздирали политические противоречия и миграционные страсти.

Приняв на себя роль временного лидера, сотрудник отдела Свинцицкий Олег Станиславович спросил, потирая руки:

– Ну, так-то неплохая командировочка. А надолго?

– А цель вас не интересует? – выдержав паузу, спросил начальник, оттягивая момент будущего разочарования.

– Цель Ницца, всё другое суeta. Можем на скоряк заму-
тить какой-нибудь фестивалец, – не сдавался Олег, в пред-
вкушении внезапно образовавшейся приятной возможности
посетить прекрасный город, – Когда выезжаем?

– Сидеть! – стукнул ладонью по столу Андронов, мгновен-
но охлаждая пыл гостей. Сложенная пирамидка из каранда-
шей с шумом покати-лась по столу, – Иш ты, как вы сразу
оживились.... «Скоряк», «замутить».... Говоришь как гоп-
ник из подворотни, а у нас тут отдел по культурным связям.
И вообще..., я пошутил про Ниццу, однако поездка всё же
предстоит.

Приглашённые сотрудники переглянулись.

– Ну вот.... Как всегда.... Кругом обман, – театрально вы-
дохнул Свиницкий.

– Тихо вы.

Он открыл ящик стола и на свет появился почтовый кон-
верт.

– Вот.

– Ну и что? Подумаешь, какой-то конверт, – наконец, по-
дал голос Данилкин, – А вдруг отравленный?

– Да, что это? – тут же поинтересовалась пресс- секретарь
отдела Лилия Сафарова, – Нужно ли делать официальное за-
явление?

– Вот учитесь.... Учитесь у Лилии Петровны, вопросы только по существу, а не ваши праздные интересы. Размечтались..., Нищцу им подавай.

Он победно обвёл своих коллег пристальным взглядом и, потряхнув конвертом, продолжил:

– Пока никаких заявлений. И так, это письмо.... Я получил его два часа назад, с нарочным.... Читаю....

Строго конфиденциально.

*Господину советнику по культуре при посольстве
России во Франции.*

Господин советник, Прошу Вас серьёзно отнестись к моему посланию, ибо считаю своим долгом сделать то, что должен сделать, обязан сделать в память о своём предке.

– А? Каково вам? «должен..., обязан». Каков слог, эмоции, крик души, так сказать.

– Иван Тимофеевич, продолжайте, пожалуйста, – перебила начальника пресс-секретарь.

Андронов сжал губы и вновь обратился к письму:

– Так.... А, вот....

...о своём предке.

Он вновь прервался и, помахав листком, добавил:

– Предок его нашу Москву поджигал.... Хм....

– А теперь он что, решил за предка покаяться? – спросил Данилкин.

– Далее....

По известным причинам я не могу изложить суть самого

дела, поэтому предлагаю Вам посетить мой дом, где я посвящу Вас в детали. Для этого Вы и допускаю, что с Вами будут ещё несколько человек на Ваше усмотрение, должны нанять автомобиль и, не привлекая к себе внимания, отправиться в Нормандию, а именно в город Руан. Посетив столицу Нормандии, вам следует повернуть на город Дьепп и прибыть к дому 9 на Rue Notre Dame. Далее, к вам подойдёт человек и сопроводит вас ко мне. Столь странные на первый взгляд действия обоснованны конфиденциальностью моего дела. Хочу вас заверить, что речь не идёт об измене родине или другом подобном преступлении. Я обращаюсь к Вам именно как к советнику по культуре, из чего должно быть ясно, что речь пойдёт об историческом и культурном наследии. Однако статус документа, который я хочу предоставить Вам, вы определите сами на месте, для чего помимо вас мне бы хотелось видеть специалистов по истории, а именно по истории времён русско-французской войны 1812 года.

На этом позвольте закончить моё послание. Буду ждать Вас и Вашу делегацию через четыре дня в моём доме. Живу я уединённо, поэтому с моей стороны нежелательные свидетели нашей встречи исключены.

С уважением Амальрик Анри Симон.

– Ну? И что скажете?

– Таки шпионские страсти, не иначе, – изрёк Олег Стани-

славович.

– Так сказать, подмётное письмо.... А может провокация? – в голос ему спросил Данилкин, – Может надо поставить в известность кого следует?

– Про «кого следует» я подумаю и без ваших советов, согласно инструкции.... Лилия Петровна, – обратился Андронов к женщине.

Она пожала плечами и немного подумав, ответила:

– Иван Тимофеевич, я пресс- секретарь, а не шпион. Скажете ехать, поеду.... Не скрою, мне стало интересно.

– Значит так, поставим посла в известность, и пусть он решает, ехать нам или нет.

– Ну, допустим....– изрёк Данилкин, – А машина? Дипломатические номера посадят на «хвост» нежелательную компанию. Нужна «левая» машина, но что бы взять в прокат автомобиль, нам придётся показать свои паспорта.

Поёрзав на стуле, Свинцицкий произнёс:

– Я знаю, где можно взять машину без неудобных формальностей. Конечно, придётся немного доплатить.

– Знаешь? – переспросил начальник, – Ну, вот и займись, только не надо посвящать меня в подробности.

– А сколько ехать? – спросила Сафарова.

– Стойте, – перебил Лилию Андронов, – Про машину.... Это должен быть обычный непривлекательный автомобиль, и давайте без этой российской помпы. А то наймёте кабриолет и цыган прихватите....

– Ну, обычный, так обычный, – согласился Олег Станиславович, хлопая себя по коленям.

– Так сколько мы будем в пути? – вновь переспросила пресс- секретарь.

– Сколько ехать, сколько ехать, – заговорил Иван Тимофеевич, быстро крутя колёсико «мышки», – Сколько, сколько.... Значит так, от Парижа до Руана 120 километров и далее Дьеп, ещё 62. И так, на всё про всё даю сутки. Вопросы есть?

– Есть, – поднял руку Олег Станиславович, – А вы с нами? Если нет, то кто будет главный?

– Ты главным уж точно не будешь.... Так что я с вами, конечно, а то начнёте там «фестивалик», «замутим», «скоряк».

– Ну понятно, уж не знаю, чем я так не угодил.

– Да угодил, Олег Станиславович..., – уже более миролюбиво произнёс Иван Тимофеевич, – Угодил, но пойми, письмо адресовано лично мне и приглашение лично мне. Так что давайте будем соблюдать каждую букву, а то я не всегда понимаю этих европейцев, говорят одно, а на самом деле всё по-другому.

– Ладно, пошли собираться, – предложил Свинцицкий, как его вновь остановил голос начальника.

– Та-а-ак..., – «пропел» Андронов, – А ты, Алексей Анатольевич, чего вечно молчишь?

Теперь он обратился к четвёртому гостю, художавому молчаливому мужчине в очках и с неподкуренной трубкой

во рту, который не расставался с ней даже в бане.

– Месье Сиротин, вы у нас кажется краевед и историк.

– Совершенно верно, – согласился Алексей Анатольевич, – правда, я более по суворовским временам.

– Отставить пререкания, – без всякой злобы скомандовал Иван Тимофеевич, – И Суворов с французами воевал. Так что тоже поедешь.

– Так, Иван Тимофеевич, на одной машине тесно будет, – попробовал объяснить Данилкин.

– Ничего, машину поведу я, рядом будет Лилия Петровна, ну а вы сзади устроитесь. Как говорится в тесноте..., а дальше вы знаете. Когда доберёмся до места, то задавать вопросу только по существу, а вообще вам лучше помолчать, я буду говорить. У меня всё! Вы свободны, а я к послу.

– Добрый день, месье Амальрик! – поприветствовал хозяина дома Андронов, – Вы нас пригласили и вот мы тут.

Сидевший в глубоком кресле худенький старичок, очень походивший на писателя Сервантеса, приветливо кивнул головой, расставив широко сухие руки.

– Здравствуйте, господа. Вы понимаете по-французски?

– Да, месье. И понимаем и говорим. Мои спутники, это специалисты нашего посольства.

Иван Тимофеевич по очереди представил своих товарищей, начав с Лилии Петровны.

– Замечательно, – добродушно отреагировал месье

Амальрик, – ну что же, проходите и располагайтесь по своему желанию. Сейчас подадут чай и печенье, но если кто желает выпить вина или чего покрепче, то не скромничайте. Нужно всего лишь обратиться к....

Он с трудом повернул голову и, жестом подозвав к себе молодого мужчину, добавил:

– Робер, будь внимателен к нашим гостям. Это русские, они немного смущены и вообще лишены привычного европейского высокомерия. Постарайся угадать их желания. Мои гости должны остаться довольными.

Робер поклонился и ответил:

– Да, месье. Я уже понял.

Накрыв стол, молодой человек вновь поклонился и вышел из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь.

Помолчав немного, месье Амальрик оглядел гостей и начал говорить:

– Знаете, а я так и не выучил русский язык. Наши коллеги из Советского Союза баловали нас тем, что почти все довольно хорошо говорили по-французски.... М-да уж, какие были времена.... И так, господа, сразу к делу.

Хозяин скинул с колен плед, и в его руках появилась толстая тетрадь. Он с осторожностью протянул её женщине, которая располагалась ближе всех остальных.

– Прошу вас принять этот дар в память о советско-французской дружбе.

Гости переглянулись.

– Так нет Советского Союза, – вздохнул Олег Станиславович и тут же осёкся, боязливо посмотрев на своего начальника.

– Я знаю, я не совсем ещё выжил из ума, хоть и очень стар. В своё время, я работал в комитете советско-французской дружбы и скажу вам, это было незабываемо. Вокруг была гонка вооружений, противостояние, а у нас была дружба. Искренняя дружба без условий. Я даже как-то готовил встречу лётчиков эскадрильи «Нормандия – Неман» с русскими ветеранами и видел, как они встретились. Вот где была искренность, такое подделать невозможно. Невозможно оставаться равнодушным, видя слёзы солдат.

– Простите, а всё же, что это? – воспользовавшись паузой, спросила Лилия Петровна.

– Это дневник французского офицера, участника русской компании 1812 года месье лейтенанта де Шагора Огюстена Жозефа.

Эффект от сообщения не удался. Гости сидели с каменными лицами, не проявляя никаких эмоций. Наконец, чуть подавшись вперёд, паузу нарушил Андронов:

– Ну, допустим....

– Предчувствуя сомнения, – прервал его месье Амальрик, – я ручаюсь, что это подлинник. Рукопись я получил от своего отца, а отцу подарили какие-то поляки. Я знаю, что они совершенно не питают к вам братских чувств и просили отца позаботиться о том, чтобы этот дневник никогда

не попал в руки русских. Но это они, а не я. К тому же, этот лейтенант весьма и весьма отдалённо но, тем не менее, мой родственник.

– Простите, месье Амальрик, но почему такая скрытность и самое главное, от чего вы не хотите передать эту реликвию в государственный музей Франции?

– Франции? А где вы видите Францию? Та Франция, которая была, потеряла свою суть, лишилась идентичности, а теперь вот сгорел Нотр-Дамм.

– Поверьте, нам всем очень жаль, – попробовал произнести Данилкин, – мир не остался равнодушным.

– А вы знаете, когда передавали репортаж о пожаре, мне было почему-то всё равно, – словно не слыша, продолжил хозяин, – Представляете? Как французу мне, к моему стыду, мне было безразлично. Сгорел и поделом ему да и всей нации....

Это было неожиданное заявление.

– Мне кажется, что вот тут вы лукавите, – усомнился Иван Тимофеевич, – И позвольте вам не поверить.

Старик сжал губы и не заметной горечью в голосе заговорил:

– Эх, если бы..., если бы это было так.... Совершенно нет, господа, никакого лукавства. И вот почему. Уж пусть лучше падут все символы моей страны или сгорят как Нотр – Дамм, чем по прошествии нескольких лет, наши храмы оденут на свои купола зелёные полотнища и низвергнутся хри-

стианские реликвии. Нет, я не против сосуществования, если нравится и если так удобно, пусть одеваю паранджу или эгаль, но я против засилия и насилия. Последние три года я не выхожу из дома. Я всё ещё живу той Францией, где ценилась естественная красота женщины и мужчины, романтика отношений. Идеал женщины был совсем рядом, это ведь Париж. Это Париж времён Денёв, Англаде, Оже, Спааки и других божественных созданий. А Бордо...? И знаете, иногда мне казалось, что эти женщины некоторым образом наследницы времён пребывания русской армии в Париже и вообще во Франции. Их естественная красота сродни женщинам из России. А теперь что? Французам во Франции места уже нет. Вот к чему привела политика правительства. А может вы видели в Париже французов?

– Ну, видели нескольких, – попробовал пошутить Данилкин.

Видя укоризненные взгляды своих собеседников в сторону «шутника», месье Амальрик улыбнулся и произнёс, пытаясь разрядить обстановку:

– Хорошая шутка.... Горькая правда. Я, господа, считаю Россию единственной в Европе страной, где ещё крепки нравственные устои. По крайней мере, общество яростно сопротивляется проникновению содомских норм. Полное падение нравов.... Только в России принимают истинную историю непростых военных отношений между нашими странами в 19 веке. Этот дневник, своего рода «Война и мир»,

написанная свидетелем пусть и не столь гениально как это сделал незабвенный меcье Толстой. Поэтому я не могу поручиться, что попади эта тетрадь в руки французских деятелей, они не начнут вымарывать страницы или пуще того, просто уничтожат дневник, посчитав его неудобным свидетелем. У вас в Европе друзей нет. А коли так, так и предавать будет некому. Я покажусь непатриотичным, но уже нет моей Франции, а Россия есть. Россия осталась.

– Надеюсь, вы понимаете, что ваши и впоследствии наши действия, некоторым образом противозаконны? – немного помолчав, спросил Алексей Анатольевич.

– Может получиться скандал, – поддержал Свинцицкий.

– Да, понимаю, – согласился хозяин, – поэтому я вынужден предпринять меры предосторожности. И уж коли вы согласитесь принять мой дар, вам так же будет необходимо позаботиться о скрытности нашего предприятия. Я уверен, что вы найдёте способ переправить дневник в Россию и там после работы специалистов, он займёт достойное место.

– Однако помимо исторической оценки, нужно юридическое решение, – осторожно предположила Лилия Петровна.

– Мадам, да при таком государственном аппарате как КГБ, мне кажется, что с этим не будет проблем.

– Да уж, КГБ.... Только это теперь ФСБ, – наверно более себе произнёс Андронов, – И мы не в России.

Хозяин оглядел своих гостей и горько улыбнувшись, заключил:

– КГБ есть везде и не пытайтесь меня переубедить, к тому же, это всего лишь какая-то тетрадь и не более.... Ну, в общем, вы меня поняли.

За всю половину пути до Руана никто не проронил ни слова. Наконец молчание нарушил Сиротин. Спутники с удивлением посмотрели на своего коллегу, который слыл человеком замкнутым и очень условно сказать, совершенно немногословным.

– Ну что скажете? – спросил Алексей Анатольевич, – Есть у нас специалист, который может определить подлинность документа?

– У нас есть прекрасный оценщик, Ольга Анатольевна Плотникова и она не раз оказывала услуги как специалист по историческим документам, – тут же нашлась Лилия Петровна, словно ждала этот вопрос.

– Оказывают услуги в районе Пигаль или в Булонском лесу, – зло осадил Иван Тимофеевич, – а тут нужна качественная работа. Чтобы нас не обвинили в непрофессионализме. А то отправим тетрадь в Россию, а на поверку окажется, что это обыкновенная мазня, подделка.

– Простите, Иван Тимофеевич, тогда ищите сами специалиста, – ответила Сафарова.

– Чёрт бы побрал этого деда со своими дневниками. Жили себе спокойно, а теперь что?

– Давайте спрячем дневник, так, словно и небыло ничего.

Или вообще... – предложил Свинцицкий.

Иван Тимофеевич посмотрел на него в зеркало заднего вида и покрутил пальцем у виска.

– Ты что, а вдруг этот дед ляпнет где-нибудь? Мол, передал тетрадь русским. Он вон как, своим не доверяет, а нам вот доверил.

– Может обратиться в Москву? – спросила Лилия Петровна.

– Да вы что, из-за какой-то тетрадки обращаться в Москву?

Автомобиль вдруг быстро стал набирать скорость.

– Иван Тимофеевич, тормозите, – быстро заговорила Лилия Петровна, одной рукой вцепившись в рукав пиджака, а другой, указывая вперёд, – Смотрите, там впереди!

– Чё-ё-ёрт, – громко «пропел» начальник, – Они везде одинаковы, вечно появляются, когда их не ждёшь.

Автомобиль резко замедлил ход. Вскоре они неспеша проследовали мимо патрульной машины дорожной полиции. Однако два инспектора были заняты каким-то важным делом. Они стояли у багажника, один из них разговаривал по телефону, а другой быстро скользил пальцем по экрану электронного планшета.

– Слава богу, им вроде не до нас, – выдохнул Иван Тимофеевич.

Впереди показались остроконечные крыши пригорода Руана. Андронов остановил машину на обочине. Вскоре мимо

них пронеслась небольшая колонна байкеров, а за ними и те самые полицейские. Он вышел из машины, для чего-то протёр влажной салфеткой зеркала и фары и, вернувшись в автомобиль, по очереди оглядел своих спутников. Заведя двигатель, Иван Тимофеевич тронулся с места со словами:

– Без Москвы обойдёмся. Сами справимся.... Господи, помоги нам добраться до Парижа.

– А что, двести лет назад наши дошли и мы доедем, – встал Олег Станиславович.

– Лилия Петровна, – прохрипел Андронов, – приглашайте Ольгу Анатольевну.

– И так, Ольга Анатольевна, я вас слушаю.

Плотникова достала из папки тетрадь и, положив её на стол, накрыла сверху ладонью продолжая сохранять молчание.

– Это подделка? – нетерпеливо поинтересовался Иван Тимофеевич, указывая пальцем.

Оценщик пожала плечами и произнесла:

– Если подделка, то очень качественная, однако тогда кому надо подделывать это и главное, зачем?

– Значит, нет?

– Мне кажется, что нет.

– И из чего это следует?

– Факторов несколько, Иван Тимофеевич. Визуально, сам бумажный носитель и чернила, вполне соответствуют своему возрасту. Если бы я не знала предысторию, что можно было заключить, что тетрадь хранилась в музее при идеальных условиях. Теперь что касается стиля написания. . . . Яркое выраженный окситанский диалект говорит о том, что писал француз – южанин, скорее всего житель Лангедок – Руссильон. Сказывается близость к Испании.

– Значит, вы утверждаете, что это подлинник?

– Я ничего не утверждаю. Для официального заключения нужна химическая экспертиза, но здесь у нас нет ни специалистов, ни соответствующего оборудования. А вообще, замечательный экспонат. Очень хотелось бы верить в его подлинность. Надо отправить тетрадь в Россию.

– И как мы представим это? – нервно барабанил пальцами по столу, спросил Андронов.

Сохраняя невозмутимый вид, Ольга ответила:

– Я могу написать сопроводительную записку.

– А историческая ценность?

– Точно сказать нельзя. Если бы это была рука Бонапарта, тут другое дело, однако это яркое свидетельство военной катастрофы. Скорее всего, это крик отчаявшегося человека, полное разочарование в предприятии в частности и самой жизни в целом. Могу сказать, что читая дневник, я не осталась равнодушной. Погоня за котом, каннибализм, смерть. . . . Само отступление французской армии из России

это печальный финал всех предыдущих блистательных побед военных компаний Наполеона. Это не художественный вымысел, это жестокая правда.

– Спасибо вам, Ольга Анатольевна. Подготовьте сопроводительную записку. Я отправлю дневник с дипломатической почтой, но прежде хочу прочесть сам.

– Осилите диалект? Или может, нужна помощь? – спросила Ольга Анатольевна, поднимаясь со своего места, – Житель Лилля не всегда может понять жителя Марселя.

Принимая тетрадь в руки, Иван Тимофеевич ответил:

– Благодарствую, я немного знаю испанский. Постараюсь справиться сам.

Глава 1. Русское поле. Фантом

Наполеон:— Скажите, генерал, а какая дорога до Москвы короче всего?

Балашов:— К Москве ведут несколько дорог.

К примеру, Карл XII выбрал дорогу через Полтаву....

Наполеон:— Идите, генерал и передайте императору Александру,

что я вступил в Вильно не для того, что бы заключать торговые договоры.

(Диалог императора Наполеона Бонапарта и министра полиции России Балашова А. Д.)

Поле....

Сочетание гласных и согласных букв, очень удачно рисует в воображении это физическое явление местности, при этом даже передаёт особую атмосферу места, будь то снежная бесконечность или же море из налитых трав середины лета. Доводилось ли тебе, дорогой читатель бывать в тех местах, где когда-то произошли знаковые исторические события, или, обладая некоторым даром воображения можно представить, скажем, Куликовское поле или же поле темы моего сочинения расположенное недалеко от города

Можайска, поле близ деревень Доронино, Семёновское, Шевардино, Утица, Татариново и Бородино. Не был я там, ни сейчас, ни тем более в то время, двести лет назад. Но в мыслях, а так же благодаря множеству изображений я нескончаемое количество раз присутствовал в том месте, бывал именно на том поле, которое хотел увидеть, не испытав разочарования. Поле, лишённое звуков технического прогресса, будь то двигающиеся машины, летящие самолёты или другие механизмы. Так кажется, что подойди с опушки леса любой человек и, перейдя просёлок замрёт в нерешительности. Надо лишь сделать шаг, словно во временной портал, а дальше ступать осторожно, не торопясь. А ведь и в самом деле, неосознанно начинаешь смотреть себе под ноги, словно боясь наступить на что-то или кого-то, с надеждой обнаружить какой-нибудь предмет из того далёкого времени. Будь то обломок итыка или пуговицу. К тому же, если явиться сюда намеренно, а не по случайности, то реальность предстанет совершенно в ином виде. Всё что может окружать человека там, есть немые свидетели.... Всё, кроме него самого. И эти свидетели, вековые деревья, холмы и курганы, да та же речка Колоча, без сомнения заслуживают уважения как современники героев тех далёких времён. Но от чего-то, так тянет прикоснуться руками к этой земле, и дышится с замиранием, и неосознанно заставляешь себя прислушиваться к этой тишине. Только в какой-то момент разорвёт округу далёкий колокольный звон монасты-

ря. Позвонит- позвонит, да и затихнет.

Мило лукавят некоторые сочинители, жонглируя поэтическими фантазиями, утверждая, что теплая земля это от давних сражений, а холодная от скорби и уверяют, что если приложиться к земле ухом, то можно услышать.... Да ничего вы не услышите. Нет, не верю я в такие чудеса. Ведь это же очевидно, что теплая земля от солнца, а холодная от зимней стужи, а дождь с неба, всего лишь дождь. Всё как двести лет назад и нет природе дела до человеческих распрей.

Но только вот есть некая довольно странная, может даже тёмная история, что привиделся одному крестьянину из ополчения, который в числе многих, по осени 1812 года, был снаряжён для сбора погибших с Бородинского поля, солдат с того сражения. Да так привиделся, что крестьянин чуток умом-то и не тронулся, а после вернулся домой, испросил у барина вольную, а тот возьми да и дай ему что просил. Отправился мужик куда глаза глядят, оставив своё нехитрое хозяйство и могилу супружницы- матери двум своим сыновьям, пока не уткнулся в монастырские ворота. И так до конца дней своих заперся в том монастыре, наложив на себя обет молчания.

Но прежде, сидел на Бородине- поле тот крестьянин, на разбитом пушечном лафете, крепко задумавшись о чём-то, рассуждал, сам с собой, потягивая махорку:

– Ну ничего, ничего-о-о, братушки.... Это ничего, вот вы

и дома. Покойно вам будет, не то, что этим, на чужбине.

Он слегка кивнул головой на отдельно сложенные тела убитых французских солдат.

– Смотри-ка и эти лежат. Всех, все-е-ех смертушка уравнила. Странно, а ведь и их жаль, бросил своих солдат Наполеон-то, здесь оставил. Ну а как, не тащить же их в свою Францию? Это, почитай, подале Киева будет. Далеко-о-о, очень далеко. Вот ведь и конями топтали и пахали ядрами, а земля-то наша простит, всех примет, всех упокоит и своих и врагов. Рядышком ляжете да забудете свои распри и обиду.

Он поёжился от холодного ветра и поднял воротник своего тулупа, защищаясь от колючего снега. Посмотрел на лежащих солдат и произнёс:

– Вона, ты смотри, вроде как немцы что ли..., а може поляки. Форма не такая. Ну так поляки завсегда рады по России погулять, не скупилась на русскую кровушку, а теперь вот тут лежат словно прощения просят. Учил ведь Спаситель, что надобно прощать обидчиков, а сам через то пострадал. Вот пришёл бы лучше тот Иисус до нас, ни кто бы в России не дал бы его в обиду, а уж тем более такую смерть как те немцы ему сотворили в Иерусалиме. Уж ходил бы ножками по нашей земле да говорил бы свои проповеди, а мы бы слушали да радовались, а так глядишь, что иноземные люди к нам не с оружием, а с добром бы ехали и послушать и поторговать.

Он улыбнулся от своих раздумий и даже, задремал, пока вдруг не окликнул его со спины некто, тихо так позвал и, тут же спросил:

– Эй, ты.... Как твоё имя?

Крестьянин вздрогнул и даже хотел привстать, но голос продолжил:

– Сиди, как сидел....

Ополченец замер.

– Так как твоё имя?

– Так эта..., Николай..., Почаев Николай Егоров сын. Мобилизован уездным дворянством..., вот....

– С кем ты сейчас говорил? Тут же нет ни кого.

Крестьянин развёл руками и ответил:

– Так вот, с покойными и говорил.

– С покойными?

– Ну да.

– Благодарные слушатели, – вздохнул за спиной некто, – Молчат и не перебивают....

– Так я больше для себя. С них-то уж какой спрос?

– А ты давно тут?

– Так я уж второй раз.... Мы сюда сначала прибыли как раз перед баталией, да так в лесах и промаяли, не двинув с местов. А потом вместе с войском подались до Москвы, а там и до Тарутино. А уж посла, вот идём..., собираем товарищей своих и этних антихристов, Прости Господи грешную душу.

Он наложил на себя крестное знамение в надежде, что привидение исчезнет или испугается. Но после паузы к нему обратились вновь:

— А здесь чего один-то?

Уже несколько осмелев, Николай кивнул головой на сложенные тела и ответил:

— Дык, эти, значит последние остались. Много тут народа-то легло. Сначала в траншеи хоронили, что под редутами и флешами, а после вот, в овраг за курган свозим там, стало быть и жгут их, а пепел снова сюда вертается. Чудно.

Установилась пауза. Некто там за спиной крестьянина присел и тяжело вздохнув, произнес:

— Долго же вы шли сюда, однакось. Долго....

Видя, что может завязаться разговор, ополченец осторожно спросил:

— А позволь узнать, ты сам-то кто таков будешь? И смотреть на тебя нельзя....

Кто-то там опять вздохнул и ответил:

— Я погиб тут. Вот уж и не знаю, благодарить мне или сожалеть о том. Как тут скажешь?

— У тебя поди и фамилия есть...? Ой, то есть была....

— Иванов..., — вздохнул призрак.

— Ну да, кака ж ещё может быть фамилия-то на Руси.... Конечно Иванов..., — сочувственно произнёс ополченец и спросил, — Наверно страшно было?

«У-у-у», задул на распев ветер. Почаев поёжился, ожидая

ответа, но всё же оглянуться не решился.

— Первый бой не страшно, от того, что не знаешь, чего ждать. Страшно было когда в начале компании первое ядро прилетело и товарищи мои упали, а мы ряды сомкнули и пошли, вроде как и не было их ни когда рядом. Опустошение в душе такое и помочь нельзя им и бросить пришлось.

— А позволь дознать, где ж тебя убило-то?

— Так у Колоцкого монастыря.... Там есть деревенька Гриднёво, вот там я и закончился....

— А потом?

— А потом?

Некто вздохнул, от чего плечи крестьянина даже сквозь тулуп обожгло жутким холодом. Призрак был совсем рядом.

— Потом.... Вдруг колокол ударил, сильно так, словно ядро в него попало, я даже вроде как слуха лишился и огонь вокруг, словом как та коменты с небесов в землю нашу врезалась. Таки прямой путь подаваться на божий суд. Только очнулся послы, ни сражения, ни ружья, ни кого и ни чего, и вижу себя в деревне, вроде как знакомое село. Дом мой над речкой я у плетня стою, и смотрю вдаль, а там.... Матерь Божья, светопредставление, знаешь, когда после зимы всё наружу рвётся с новыми силами. И вот, вдалеке, за лесом, где соседнее село, гроза и молнии и небо в зареве. Я уж давно заметил, что весной как грянет гром, словно будит со сна природу и пошло всё в рост. А у нас ни собаки, ни другая какая есть живность и голоса не подаёт. Ни ветерка тебе, и река

не шумит как прежде. А из всего живого, так вроде как я один. Стою, смотрю и размышляю, а как к нам та колесница с Илиёй прикатит, так в пору в церквушку бежать, да грехи молить. Странно, в общем всё там за леском, а где я тишина, словно мир раскололся на двое.

Где-то далеко зимнее небо вдруг озарилось ярким всполохом от огромного костра. Почаев вздохнул и, сняв мохнатую шапку, перекрестился и тихо произнёс:

– Эх-ха-а-а, видать братушки, в рай полетели....

Помолчав немного, он осторожно повернул голову и спросил:

– А ты тут ещё?

– Да, – ответил ему кто-то.

– Ну, дальше что было...?

– Дальше.... И вдруг, слышу я, вроде как скулит кто-то, а где, в толк не возьму.... Так вот воеет жалобно, у-у-у, у-у-у.... И надо же, меня словно осенило..., так- то ж Жулька, собачка у меня такая была. Цыгане, что стояли у нас, хотели утопить её, сука у них ошенилась, а я взял да копеечку, заплатил. Собачка-то так себе, безродная, а сочувствия в ней прям как не у каждого родственника такое имеется. И воет псинка как по покойному, а может от страха, что молнии с неба сверкают. Тут не только собака спугается. Так размышляю, что недолжно быть больше такой войне, всем людям в ученье. Это ж скока народа положили зазря. Да ради этого я смирюсь что погиб, что ни какому государю в голову

больше не придёт обречь своих подданных на такие страдания. Ладно ещё мужики на кулаках не поладили, а то ведь тьмовым числом народ упокоился. Ради чего только? А спросить, так и не скажет никто наверно. Я в счёте-то не очень силён, только понимаю, что много, ох как много людишек легло. А теперь должно наступить такое время, когда цари примирятся и чем воевать, будут ярманки устраивать. Обязательно такое время наступит, не может не наступить. Люди добрее станут, а может кто и Жульке моей косточку кинет или приласкает, сам-то я вот....

– А я так кумекаю, – ответил крестьянин, – Что прогоним Наполеона и, в аккурат, выйдет так, как ты сейчас сказал. Тока вот солдатушек уж не вернуть. Вона они, столбиками лежат, а у иных с руки даже ружья не выдернешь или сабли, так и хороним, при оружии.

Звук деревянных колёс телег о замёрзшую землю привлёк внимание Николая. Он вытянул голову и, посмотрев на медленно приближающуюся траурную процессию, произнёс:

– О то ж от Колоцкого везут....

Собеседник не ответил. Почаев помолчал немного, и вновь взглянув на дорогу, по которой двигались подводы, произнёс:

– Слыш-ка, солдат.... Я говорю, вона от монастыря везут убиенных-то, да ещё тех, что по над дорогой пособирали. Это, самые дальние, верстов ока пяти будет, а может и более. Сейчас соберём, а там скоро и до Смоленска подадимся....

Скажи, а детки, ну детишки-то есть у тебя, а жена...?

Ему опять не ответили. Подождав немного, ополченец медленно обернулся на то место, откуда слышал голос.

– Господи, Иисусе, Сыне Божия мученик..., – произнёс крестьянин и осенил себя крестным знамением.

Перед ним стоял солдат одетый в шинель перехваченную белыми широкими ремнями. Руками, обмотанными грязными ниспадающими бинтами он сжимал длинное ружьё с прикнутым штыком, прислонив его к левому плечу. Всё это страшно развевалось по воздуху, делая картину ещё более жуткой, особенно грязные бинты, которые словно змеи обволакивали его тело, поддаваясь порывам ветра. На голове был кивер с репейкой мушкетёрского полка, надвинутый широким козырьком на глаза, но вот лицо.... Лицо, от шеи до глаз было повязано грязно- белой материей, на манер платка, которым прикрываются от пыли во время похода. Но то, что не было скрыто, представляло собой чёрную зияющую бездну, вместо человеческого лица чёрное нечто, выделяющееся на фоне тёмного ночного неба. Он поднял голову, словно давая себя рассмотреть, но даже свет луны, отражённый от выпавшего снега не смог осветить открытую узкую часть лица, он словно проваливался в эту пустоту.

– Ээ-эй..., – хриплым голосом позвал его крестьянин.

Фантом не ответил, затем постоял немного, медленно повернулся и, опираясь на ружьё, словно на посох, медленно пошёл прочь, навстречу лунному диску.

Проводив его взглядом, крестьянин закрыл глаза, из которых по щекам стекли две слезинки.

– Да есть наверно у тебя и детушки и жёнка имеется, а може и дедки- старики дал Бог живы- здоровы, как же русскому человеку этого? Без этого не моги, нельзя.... И Жулька.... Только вот же какое горе-то, а ведь ждут солдата, а он вона чё.... Нет его, как и не было....

Затем помолчал и, разведя руки, словно сам удивился своим мыслям, добавил:

– То есть как это не было? Был он, был русский солдат! И был и будет и есть! А кто ж тады шею-то свернул Бонапартию, так под зад напнул, что вона бегом бегить, споткается а поспешает, зараза в свою францую....

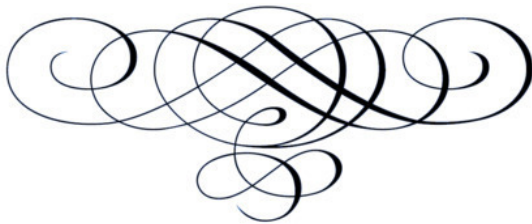
– Ты чего тут, охраняшь их что ле? – обратился к Николаю возница с первой подводы, указав кнутом на сложенные трупы, – Так в том надобности нет.

– Езжай, езжай, – ответил Почаев, поглубже натягивая шапку, – Тебе- то что за печаль? Я своих жду грузиться.

– А то садись, таки подвезу, – не унимался возчик, слегка стегнув лошадь, – Но-о-о....

– Да нет уж, благодарствуй! – ответил ополченец, взглянув на страшный груз в подводах, – Мне пока в другу сторону.

Он отвернулся от дороги и ещё долго всматривался во мрак и стену из снега, освещаемые луной, надеясь разглядеть ту фигуру солдата по фамилии Иванов, что прежде заговорил с ним.

Глава 2.

Нетанцевальные па месье де Талейрана.

Закрытый экипаж стоял на неприметной улице пригорода Парижа в один из последних дней февраля 1812 года, тщательно скрывая двух месье, негромко беседующих между собой. Одним из мужчин был бывший иностранный министр Франции месье Шарль Морис де Талейран-Перигор. Его собеседник, среднего возраста господин, занимавший официально должность скромного советника по финансам при русском посольстве во Франции граф Карл Нессельроде.

Если бы некто, совершенно тайно присутствовал при этой встрече, да, собственно как и при других рандеву, то без всякого сомнения сделал бы вывод, что эти два человека были знакомы достаточно хорошо, но более того их связывала тайна, тайна их деловых отношений, которой они совершенно

не желали делиться с третьими лицами. Оба господина существенно поднаторели на государственной службе и имели веские основания для подобных встреч, если не сказать более, они стремились к подобным встречам, извлекая из этого мероприятия существенный интерес.

Их знакомство произошло в небезызвестном Тильзите почти пять лет назад, где каждый находился в свите своего императора. С одной стороны это был русский монарх Александр, а с другой император Франции Наполеон. Россия попала в невыгодное положение и, не смотря на мирные договоры, настроения в обществе никак не способствовали укреплению дружественных отношений. И вот, совершенно как нельзя кстати, появился меcье иностранный министр, представленный русскому царю генералом Коленкуром. С некоторых пор, меcье де Талейран быстро охладел к проектам своего императора, совершенно не стесняясь, принимал деньги и оказывал определённые услуги сторонам, которые были далеко не друзьями европейского диктатора Бонапарта.

– И так, дорогой князь, – начал первым Нессельроде, широко улыбаясь, – Вы желали видеть меня и вот я тут.

Талейран кивнул головой и произнёс:

– Прежде, мне бы хотелось знать, что вы думаете обо всей этой военной суматохе?

– Дорогой мой, я не уполномочен вести какие-либо переговоры. Я всего лишь финансовый советник и не более....

А военная суматоха, это дело военных.... И почему именно я..., почему именно меня вы выбрали в качестве посредника?

– Ну так и я не министр, – тут же парировал француз, – Вы правы, имея своё имя и положение, я бы мог вести свои дела через князя Куракина?

– Именно так и хочу сказать, – ответил Нессельроде.

– Тот, о ком мы говорим, блестящий дипломат, без всякого сомнения. В бытность свою при императоре..., тогда в Тильзите, именно я настаивал на выборе Александра в пользу князя Куракина как посла России во Франции и император Наполеон быстро согласился со мной, если учесть, что у него на всё есть своё твёрдое убеждение и мнение. Но наш «бриллиантовый» князь, слишком уж заметная фигура, поймите меня правильно, к тому, же совершенно без вреда своему поручению от государя и, состоя в числе первых государственных сановников, слишком много уделяет внимания своей внешности и туалету. Это блистательный политик, как внутренне, так и внешне, в полном понимании этого слова.

Он сдёрнул с рук перчатки и помахав ими продолжил:

– Да по запаху духов можно определить, что по соседней улице проследовал экипаж князя, а наше дело требует скрытности. Ну и конечно его возраст..., ему кажется шестьдесят лет, но он бодр и силен духом, даже после пожара на бракосочетании императора и Марии- Луизы, где он пострадал

в известной степени.

– Да, тут вы правы... – согласился Нессельроде, постукивая тростью по полу экипажа, – Однако, как вы достаточно быстро убедили меня месье де Талейран. В вас исключительный дар этого убеждения, подкреплённый рассудительностью и здравым рассудком. С вами трудно не согласиться и я всегда восхищался вашими способностями вести государственные дела.

– Что же, тогда давайте закончим это официальное недоверие. И вы, и я, мы прекрасно понимаем, что нуждаемся друг в друге, однако мне льстит ваша осторожность, которую вы проявляете при каждой нашей встрече. Вы держите дистанцию, не опускаетесь..., как это у вас..., до панибратства.... Я правильно охарактеризовал степень отношений?

Советник согласно кивнул головой.

– Будет вам, дорогой граф, я ваш друг, если хотите, но уж точно не враг.

Они замолчали. Нессельроде поправил плотную штору на окне экипажа и взглянул на Талейрана.

– Ну хорошо..., теперь к делам..., – сказал Талейран, и извлёк из внутреннего кармана пакет, – Вот это должно быть у императора Александра.

– Я всё это время хочу вас спросить..., – начал, было, советник.

– Граф, – перебил Талейран, не дав задать вопрос полностью, – Не пытайтесь разглядеть во мне предателя Фран-

ции, а Бонапарт не вся Франция, как бы ему не хотелось. Я сторонник незыблемости столпов государства и в этом вижу лишь монархию и государя как гаранта. Эти игры в революцию..., народовластие, баррикады..., расчёт на чернь, призывы прийти, сломать и забрать. Ну не верю я во все эти светлые помыслы для кого-то или во имя кого-то.... Гильотины, виселицы и расстрелы..., и идут по трупам носители всё тех же светлых мыслей. Нет, дорогой граф, это не моё. Плох государь или нет, так решила судьба, и народ обязан служить ему. Моя симпатия к России, вызвана прежде всего особым отношением к порядку. Судьба мятежников, что пытаются пошатнуть общество и русский трон, ужасна, хотя если взять Францию....

Он замолчал.

– Но европейцы считают нас невежественной нацией, – нарушил паузу Нессельроде, – Однако я потомок германских дворян, но считаю себя русским.

– Я предпочитаю видеть трон, а на троне короля, – продолжил бывший министр, – И совершенно не важно, какими он будет обладать способностями как политик и правитель. Другое дело кто окружает монарха, кому он доверяет действовать от своего имени..., да пусть это будет война или дипломатия или торговые союзы. Главное, что есть человек облеченный королевским расположением и особыми полномочиями, который добывает победы и преференции для своего государства.

– А что же Бонапарт? – спросил советник, выслушав словесную тираду бывшего министра.

– Его кипучая деятельность и абсолютное единоличие, привело к появлению многочисленных тайных врагов. Он руководит армией, флотом и одновременно актёрскими театрами и рынками. Он может спать стоя, прислонившись к стволу дерева, и ему этого хватает. В очередной раз мир увидел, что оказывается можно без всяких последствий узурпировать власть короля, а потом саморучно взять и возложить себе на голову венец без всякой опаски быть поражённым молниями или другими небесными карами. Нет, нет и ещё раз нет, Карл Васильевич..., Мараты и Робеспьеры погружают страны во тьму, в хаос, в итоге революция, которую они вскормили, так и пожрала их сама. Революция, есть уродливое движение организованных масс к мнимой свободе, а в результате многочисленные жертвы и страдания. Его очарование армией и народом понятно, его боготворят. Вы знаете, как-то я был в толпе, когда войска уходили в очередной поход и какой-то человек крикнул «Вы куда идёте?», а весёлые улыбающиеся солдаты ответили «в Италию», «а это где?», – спросил всё тот же зевака. Так знаете, что солдаты ему ответили...? Что Италия это где-то в Испании.

Мужчины рассмеялись и Талейран продолжил:

– Подобное невежество этим солдатам простительно ..., их не интересуют какие-то там колонии..., сиюминутная на-

жива не более, что бы поправить своё финансовое положение и слава доблестных завоевателей, о которой они будут рассказывать в какой-нибудь госконской таверне или кухаркам из Прованса, вливая в себя порции вина. Им всё равно куда идти, армия хочет быть со своим императором, аппетита которого растут с каждым разом. Ему нужен размах..., масштаб.... Лёгкие победы опьянили его, но вот русские..., это не мамелюки или итальянцы, которые давно перестали быть римлянами. Мне кажется, что вы поняли меня, граф.

– Так полагаю, что вы желаете покончить с Бонапартом? – просил советник.

Сжав губы, Талейран задумался и произнёс:

– Ну что вы, мой друг..., нет, подсылать убийц я не стану. Всё должно произойти естественным способом. Однако его надо остановить, но я не вижу силы, которая бы смогла это сделать кроме царя Александра. Мне бы хотелось видеть во Франции монарха и династическое право на престолонаследие. Хотя, надо сказать, что свергнутый Луи Филипп не сильно-то отличается способностью к управлению государством. Сейчас он просто сидит себе на британских островах и очевидно ждёт, когда ему наденут корону вновь, тем не менее, я за монарха, пусть волею Создателя и такого. Бонапарт погубит нас.

– Хорошо, князь. Я передам ваш пакет государю, – произнёс Нессельроде, – Но это всего лишь слова..., это ваши рассуждения, хотя и не лишённые здравого смысла.

Талейран несколько раз хлопнул в ладоши, улыбнулся и ответил:

– И снова вы на высоте. Браво, граф! Сейчас мой авторитет служит мне хорошую службу, хотя все свои намерения Наполеон тщательно скрывает даже от сената.

В знак благодарности, Нессельроде учтиво склонил голову, тем не менее, спросил:

– Но как? Ведь подготовка к военной компании это не рядовой случай. Это трудно скрыть. Он не может даже условно единолично распоряжаться казной.

Француз продолжил:

– А вы посетите Данциг, и без сомнения увидите, что город превращается в крупную военную базу и прежде всего продовольственную. Мне кажется, что не стоит объяснять, по какому поводу намечается грандиозный банкет. Дорогое это удовольствие – война. И движение огромных затрат скрыть невозможно. Император императором, но и единоличная власть имеет свои пределы и ограниченные возможности, тем более, что я не один, кому это не совсем нравится. Но не просите меня раскрывать свои карты, всё равно это бессмысленно. Зайдите в любую таверну, прогуляйтесь по площадям, война витает в воздухе..., это настолько очевидно, что невозможно этого не заметить. Война с Россией это не прогулка по Европе и он это прекрасно понимает.

– Но, должно же быть какое-то основание? Нужна идея, если хотите..., к тому же заключён мир в пользу Франции, –

спросил советник.

Талейран ответил:

– Ваше влияние на Европу за последние пятьдесят лет, вот вам и основание, которое лишило его сна. Если экономические прорывы царя Петра вызывали усмешки, и то в начале.... А современная Россия это уже серьёзный соперник для императора Франции, который всю хозяйничает в Европейских дворах как у себя дома. К тому же Англия.... Есть мнение, что таким образом Наполеон хочет лишиться Англию её восточных колоний, коли уж не получается победить в открытом столкновении. Английский король, словно в крепости на своих Британских островах. А попасть в Индию безопасней и проще через Российскую империю. Это планы на уровне мифов, но как повод, мне кажется, вполне основателен. Александр связан с королём Британии военным договором и никогда не позволит пройти французской армии по своей территории ради такой цели. Да и сам Наполеон..., он считает, что рождён взять и требовать, а не просить или уступать. Скажу больше, России объявлена негласная дипломатическая блокада. Император призывает ваших врагов на свою сторону, но вот какое дело, турецкий паша вряд ли простит ему уничтожение четырёх тысяч пленных турок в египетском походе, что же касается шведского короля, то кажется он получит, если ещё не получил от Александра Норвегию. Это достойный подарок, от которого Бернадот сразу забыл, что когда-то был маршалом Франции

и даже родственником Бонапарта. Русский царь Александр далеко не так-то прост, как может казаться. Тут судьба благоволит вам.

Он осторожно выглянул за штору занавешенного окна, тяжело вздохнул и, надев перчатки, произнёс:

– Действуйте, Карл Васильевич, не медлите, а именно действуйте. Я знаю, что вы изучите мои документы, но знайте, что я очень симпатизирую царю Александру. Он по праву слышит в Европе как просвещённый монарх, но вот этого и бойтесь и не тяните время. Тильзитский мир не состоялся и Наполеон не сидит на месте. И упаси вас Господь от революций и восстаний. Сила России в патриархальности уклада жизни. Поверьте, мой друг, я достаточно повидал всех этих возмущённых каменотёсов. И вот ещё что..., если Наполеон перейдёт Неман, это будет для Франции катастрофой, а пока он ослеплён своим величием и современная Европа живёт так, как того желает император Наполеон и мне кажется иногда, что он сошлёт на галеры всякого, кто посмеет усомниться в его бессмертии.

Между беседующими повисла неловкая пауза. Нессельроде сидел и, не отрываясь, смотрел на пакет.

– Очевидно, я дорого вам стою, – улыбнувшись, произнёс Талейран.

Граф пожал плечами.

– Ну коли уж государь самолично распорядился открыть для вас отдельный счёт во французском банке, то это может

значить только одно, что информация очень и очень ценная.

– Однако я сильно рискую. Мне не хотелось бы оказаться на месте осведомителя, который знакомил русского агента в Париже, месье Чернышёва с документами исключительной важности иногда даже раньше чем их читал сам Наполеон. Император был так возмущён, что в военном ведомстве, в самом Генеральном штабе Франции действует русский шпион, что распорядился отрубить голову осведомителю, несчастному месье Мишелю на площади прилюдно, в назидание всем сочувствующим России.

– Да, я знаю, грустная история, однако, конкретного плана нападения он так и не добыл, но, слава Богу, Александру Чернышёву удалось бежать.

– А теперь прощайте, граф.

– Прощайте, дорогой князь, – произнёс советник, слегка склонив голову.

Надвинув на лоб цилиндр, и подняв воротник, бывший министр сошёл с экипажа, и быстро сел в карету, что ожидала его тут же. Советник взвесил пакет на руках, тщательно осмотрел его, а затем убрал подальше в тайный внутренний карман полувоенной шинели.

Затем открыл окошечко и приказал кучеру:

– Давай-ка братец на Риволи..., в отель (очевидно речь идёт об отеле «La Meurice»)! И не торопись. Не будем привлекать к себе внимание.

Не торопясь карета двинулась по уличной брусчатке, слег-

ка покачиваясь на неровностях поскрипывая рессорными пружинами. Советник отодвинул занавеси и стал рассматривать людей с головой погружённых в городскую суету. Катились тележки и кареты, сновали мальчишки продающие газеты громкими голосами предлагая товар, необычайно много военных было особенностью Парижа того времени. Офицеры, солдаты, по одному, группами и в подразделениях, звуки команд и всевозможные воинские ритуалы под бой барабанов и свист армейских флейт. Проезд конных всадников вызывал восторг парижанок, которые смущённо поглядывали из под капоров на бравых гусар, прячась в воротники меховых накидок. Вся эта видимая праздность, что властвовала в столице, была вполне оправдана. Парижане видели свою армию сияющую и непобеждённую. Стройные ряды солдат в крестообразных белых ремнях, киверах, в мундирах с сияющими пуговицами и с большими ранцами. Солнце ранней весны весело блистало на каждом из тысяч и тысяч штыков проходивших войск, начищенных стволах орудий и боевые знамёна с верхушками в виде имперских орлов, гордо развевались над этой бесконечной, словно река, императорской армией. Не было ни раненых, ни скорбных повозок с убитыми, город сиял своими домами и улицами с многочисленными флагами, а война была где-то очень далеко от Парижа и казалась тогда не более чем романтическим приключением.

Дорогу экипажу перегородила очередная колонна, bravo

марширующая под барабанную дробь, и казалось что нет в мире той силы, что была способна остановить этих солдат, ведь именно им посчастливилось жить во времена великого императора Франции Бонапарта Наполеона и его доблестных маршалов.

– Значит он решил что бессмертен? – произнёс про себя граф, проведя рукой по тайному карману, – Значит он думает, что он Бог?

– А-а-а-а...! Слава императору...! Слава императору...! – доносилось с улицы приветственные крики толпы, которая радостно махала руками солдатам.

Между овациями и оркестрами слышались громкие команды офицеров, и как всё это сливалось и звучало в какой-то невероятной гармонии, позволяя парижанам вдоволь насладиться реальностью. Весна стояла у порога 1812 года, и большая война готовилась сотрясти мир на долгие следующие годы.

*Его Величеству Государю Императору Самодержцу
Александру I.
(скрытно, секретно)*

Сим докладом, из под руки (т.е. тайно) уведомляю, что по донесению заинтересованного лица прозвищем «Танцор», императором Франции Бонапартом Наполеоном ведётся

активная подготовка военного вторжения на территорию Российской Империи армией числом около полумиллиона человек. Рассматривается участие союзных войск Австрии, Пруссии и Швеции, а так же Османской империи.

Особого внимания требуют вассальные правители Австрии и Пруссии, кои связаны с Францией соглашениями.

Источники «Танцора» близкие к окружению северного короля доносят, что в настоящее время политическая обстановка и настроения двора, способствует заключению нами мирного договора со шведским королевством, что несколько упрощает задачу, но не решает проблему.

Так же с оказией от доверенного лица английского двора имеется прошение ускорить рассмотрение Вашим Величеством предложения короля Англии о финансовой военной помощи Российской Империи без привлечения английской армии.

Учитывая сложные отношения с Шахом Персии и возможностью его нападения, Наполеон Бонапарт располагает сведениями, что значительная группировка русских войск сосредоточена в Закавказье и не может быть задействована на случай военных действий.

Цель императора Франции заключить Россию в дипломатическую блокаду.

Могу так же сообщить, что был информирован о том, что на территории Российской Империи активно действу-

ет шпионская сеть, собирая сведения о передвижении русских войск, планах военных компаний и состоянии русской армии. Распространяются фальшивые денежные знаки с целью ослабить экономическое положение государства.

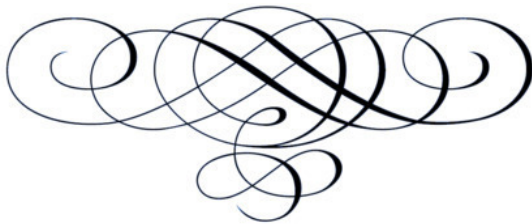
«Танцор» настоятельно рекомендует, приять к сведению информацию и самым решительным образом начинать подготовку к войне с Бонапартом.

P.S.: Исходя из собственных наблюдений могу заключить, что какого-либо всплеска антирусских настроений в Париже не выявлено. Население относится к ведению боевых действий как к чему-то совершенно отдалённому и не вызывает агрессивных действий по отношению как к русской миссии так и к отдельным гражданам, подданным Вашего Величества.

Февраля 26 дня 1812 года. Париж. Франция.

Советник по финансам при посольстве Его
Императорского Величества

Государя Императора Александра I во Франции
граф Нессельроде Карл

Глава 3.

«Бриллиантовый» гнев.

Вежливо поклонившись согласно этикету, но сохраняя достоинство по рангу и чину, посол Российской Империи, канцлер российских орденов и действительный тайный советник 1-го класса, князь Александр Борисович Куракин, крепко сжал губы, но всё же изобразил дежурную улыбку и, получив разрешение удалиться, торопливо покинув Фонтен-бло, резиденцию французского императора Наполеона Бонапарта. Намеренно громко топая каблуками своих туфель с позолоченными пряжками, он шёл по коридорам дворца, совершенно не обращая внимания на приветствовавших его военных и челядь, склонявшихся в поклонах. Каменная гримаса на припудренном лице не выражала никаких эмоций, и было совершенно непонятно, чем закончилась многочасовая беседа русского посла и императора Наполеона. Спу-

стившись с лестницы дворца, он подошёл к огромной роскошной карете с цугом, окружённую лакеями и скороходами и, оглянувшись через спину, взошёл в экипаж, вступив на откидную ступеньку. Лакей собрался было закрыть дверь кареты, но князь, подставив ногу, гневно сверкнул глазами и глухо прорычал:

– Давай к Бирону! Живо из этого вертепа!

Лакей кивнув головой, крикнул:

– Пошѐ-ѐ-ёл!

И уже на ходу заскочив на облучок, добавил, обращаясь к кучеру:

– Давай, погоняй к Бирону! Светлейший словно не в себе....

«Светлейший» и действительно был не в себе. Он, то надевал перчатки, то снимал их. В конце концов, что есть силы, швырнул на пол кареты и стал топтать их, дав волю чувствам. Крепко сжав зубы, тяжело и часто дыша, он издавал лишь глухое мычание. Гнев и ярость терзали и переполняли всё существо князя, и окружающий мир спасали разве что стены экипажа. Какое-то время, он не отрываясь смотрел на брошенные перчатки, в то время как в его голове сумасшедшим сумбуром носились множество мыслей. Он даже хотел приказать развернуть экипаж, вернуться вновь к Наполеону и убить его из пистолета, который всегда находился в карете в укромном месте. Но старательно отгонял эту идею, решив, что подобное действие не соответствует чину

русского посла. Гнев буквально слепил его.

Взглянув в окно, он нервно задёрнул шторы и наконец, выдавил из себя:

– Ненавижу..., ненавижу этот город.... Меня..., да кто это такой? Какой-то корсиканец отчитал как мальчишку! Что он себе позволяет? Жрут тут, понимаешь, всякую нечисть из болота.... Тьфу ты срам какой, а посла берутся советовать, как нашему царю надобно поступать. Слышал я как эти лягушатники разговаривали, обсуждали нас..., мол, мы репу, видите ли едим, а после дух нестерпимый идёт..., а от них после лягушек.... Вот какой после лягушек может идти из жопы дух?

Он откинулся на мягкую спинку каретного диванчика и, закрыв глаза, перекрестился.

– Господи..., спаси и сохрани.... Ненавижу их всех...!

Первое потрясение после встречи с Наполеоном прошло. Светлейший так и ехал с закрытыми глазами, положив под обе руки мягкие походные подушечки потихоньку приходя в себя. Князь опять становился расчётливым и хитрым дипломатом и царедворцем. Он точно знал, как ему следовало поступить, и его голове даже созрел текст письма, в котором он решил известить государя о положении дел во Франции.

Александр Борисович перебрался к слуховому окошку и, приоткрыв его, крикнул:

– За тобой что, бесы гонятся? Шагом езжай.... Чего внимание привлекать.

Карета тут же замедлила ход.

Надо сказать, что тут князь Куракин заблуждался. Экипаж посла Российской империи, невозможно было спутать ни с каким с другим экипажем. Эту карету знали в Париже почти все. Ну а приедем, она могла показаться собственностью какого-нибудь короля, настолько богато было убранство экипажа и совершенство в техническом исполнении. Так что независимо от скорости хода, проезд Александра Борисовича всегда привлекал к себе внимание и сопровождался восторженными взглядами горожан и завистью французского дворянства. К тому же не лишне будет упомянуть, что и сам князь Александр Борисович имел патологическую склонность к роскоши. Его называли в Париже не иначе как «Бриллиантовый», что полностью соответствовало содержанию. Этот человек буквально блистал сам собой, будь это государственный приём или светский бал, рассуждая, что по виду и поведению посла, должно судить о самой империи как таковой, возбуждая живой интерес иностранцев к России, как когда-то европейцы думали об Индии. Умел всё же Александр Борисович в нужный момент изящно встряхнуть сухонькой ручкой, от чего на пальцах вспыхивали искрами перстни, затем вот так вот шаркнуть ножкой, мог поддерживать беседу свободно ля-ля-ля по-французски, рассуждая о масонах, урожаях, политике, промышленности, армии, да о чём угодно. Говорить он умел и говорить красиво, его слушали, используя возможность поближе рассмотреть это-

го разодетого старичка. И запах..., запах изумительных парфюмов витал в воздухе ещё долго после его ухода, напоминая о «бриллиантовой» особе, как о человеке, заслуженно носившем дворянские звания. Ну вот таков был светлейший князь и посол!

И так, следуя к месту назначения, у него было время подумать, чтобы добравшись до особняка Бирона, где располагалась резиденция русского посольства, незамедлительно приступить к написанию письма.

– Уж я расстараюсь, ничего не упущу, как есть, обо всём извещу государя. Где это видано так вести себя с русским послом.

Он снова прильнул к слуховому окну и крикнул:

– Эй там, спите вы оба что ли? Поспешай же давай к Бирону!

Раздался громкий хлопок бича, лошади вновь рванули в скач, распугивая парижан, и через несколько минут остановились перед огромным, красивым особняком.

Дверь распахнулась и, выбравшись из кареты, Александр Борисович довольно резво для своих лет проследовал к дому, бросив склонившемуся дворецкому:

– Прошку Ульриха ко мне..., быстро!

– Будет сделано, господин!

– И водки..., водки немедленно! Рюмку..., нет, две рюмки! – добавил Куракин, – И не тащи ты мне все эти жульены..., икры подай...! Я буду у себя и мне не мешать, ни кого

не принимать. И что бы ни единого звука. У меня важное дело!

Приблизившись к своему кабинету, он встретил того самого военного за которым посылал дворецкого и увидев его, приказал:

– Проща, тебя ищу как раз...! Собирайся..., ты едешь в Петербург!

– Дык..., – попробовал возразить высокий кавалергард.

– Не «дык»..., – прервал кавалергарда посол и осмотрел его с головы до ног, – А то будет нам кирдык.... Жаль, что ты по- французски-то ни как..., пригодилось бы тебе сейчас эта наука, а то кроме как саблей махать, да в карты..., больше ничего не умеете.

Ульрих усмехнулся и ответил:

– Так, Ваша светлость, я хоть и немец, но по-русски пошлю, любой антихрист завсегда меня понимает, и в кабаке ихнем могу толково разъяснить, что мне нужно, а могу и в рожу дать, от всей русской души. А что саблей..., так моё ремесло такое. Мне война как манна небесная, ох люблю я энто дело!

– Тебе что на войне, что на бабе, всё в радость.... Давай-давай..., будь наготове и отправляйся, как скажу!

– Куда ж в этот раз...? Я же вот тока..., – начал было Ульрих.

– Сказано ж тебе, немецкая твоя голова, в Петербург поедешь, – князь приподнялся на цыпочках, стараясь дотя-

нуться до уха кирасира, и прошептал сдавленным голосом, – К царю-ю-ю....

Втянув для верности носом воздух, он остался доволен и, развернувшись на каблуках, скрылся за дверью, что бы через секунду появиться вновь, произнеся:

– Остальное после!

Дверь захлопнулась, и Ульрих остался один.

– Ху-у-у..., – с шумом выдохнул он из себя.

В приёмную влетел с подносом лакей.

– А ну стой, безбожник! – прорычал Ульрих и подозвал его пальцем, не переставая поглядывать на кабинет посла, – Иди-ка сюда!

Лакей боязливо приблизился.

– Так- так-такс-с-с, – пропел Прохор.

Не церемонясь, он взял одну из трёх рюмок наполненных водкой и выпил залпом. Постояв немного, посмотрел на лакея и, подмигнув ему, вопросительно произнёс, утирая рот ладонью:

– М...?

– А...? – выдавил из себя лакей.

– Ну всё, ступай куда шёл, – замахал рукой кавалергард.

– Выпорет меня барин....

Ульрих икнул и заявил:

– Выпорет, выпорет непременно и правильно сделает! Тебе сколько было велено принести? И не вздумай мне врать, я всё слышал!

Офицер строго погрозил пальцем перед носом слуги.

– Так две....

– Во-о-от, две, а ты сколько приволок?

– Так у барина завсегда так. Требует две, а после спрашивает все три. Я давно служу и порядки знаю.

– Вот что, братец, служба требует точности, и я тебе похристиански помог. Заметь, платы за свою услугу я с тебя требовать не стану, так отпущу. А теперь иди и не зли меня, – громко икнув произнёс Ульрих, – А то с одной рюмкой отправлю, а будешь лишнее болтать, отрежу язык, ты меня знаешь.

Лакей поклонился, спрятал пустую рюмку в широкий рукав ливреи, и побрёл к кабинету.

– Да где же тебя носит-то так долго? – донеслось из открытой двери.

– Э-хе-е-ей, – выдавил Ульрих, зажмурился, потряс головой и быстро вышел из приёмной.

– Ну? – нетерпеливо произнёс князь, когда на пороге появился лакей с подносом, на котором стояли две рюмки с водкой, а в маленькой розеточке лежала икра и серебряная ложечка.

Он в нетерпении замахал рукой, подзывая человека к себе.

– Иди сюда, каналья! Тебе что, полдня нужно чтобы налить две рюмки водки?

Лакей приблизился, склонившись, протянул вперёд руки с подносом. Князь взял рюмку и смакуя, выпил её не торопясь. Пошевелив во рту языком, он нагнулся над розеткой, втянув носом запах икры, а затем, игнорируя ложечку, подцепил пальцем несколько крупных шариков и отправил их в рот.

– Поставь всё это на столик, вон туда и иди с Богом!

Слуга поклонился и спросил:

– Будут ли ещё какие приказания?

– Ступай, ступай, – замахал руками князь, – Надо будет, крикну, а появится Ульрих- шельмец, тут же извести меня и пусть дожидается в приёмной.

Лакей удалился. Заложив руку за спину, князь прошёлся по просторному кабинету, затем подойдя к столу, достал несколько листов плотной бумаги, перья, уселся в кресло и, пододвинув к себе чернильницу, произнёс:

– Ну теперь, французский дружок и с тобой разберёмся. От чего же тебе неймётся-то, чего не хватает? Власти, славы или может положения? Ради чего стоило жертвовать Россией как союзником? Одно могу сказать, большой ты ду-урак, Ваше императорское величество! А дурак он и есть дурак. Это всё от лягушек..., а жрал бы репу, так глядишь и мозги бы лучше шевелились! «Хрустнешь французской булкой», репа-то ух как пробирает.... Кхе-хе..., ну и дух тяжеловат, однако от неё, тут ничего не скажешь....

Он, было, склонился над письмом, но тут же поднял голо-

ву, посмотрев на поднос. Затем выдохнув из себя: «И-и-ихи-хи-хи-и-и» и начал писать донесение царю.

Вся обстановка способствовала для плодотворного труда. Тишину кабинета нарушало разве что прерывистое дыхание князя да скрип гусиного пера по бумаге. Куракин был мастер своего дела, особенно, что касалось составления документов или докладов адресованных царю или другим причинным лицам и адресам. Никаких эмоций, лишь чёткое изложение сути хитрого и расчётливого царедворца и чиновника высшего ранга.

Перечитав написанное, он посыпал лист мелким речным песком, аккуратно подул на него, осторожно положил послание на стол и с удовольствием произнес, громко хлопнув в ладоши:

– Вот так-то!

На пороге вновь возник лакей. Куракин взглянул на него и сказал:

– Не звал пока! Ступай, я ещё занят!

Выйдя из-за стола, Александр Борисович вновь пересёк кабинет, приблизившись к столику с подносом, взял вторую рюмку с водкой и так же не торопясь выпил её, закусив несколькими ложечками икры. Затем он недовольно посмотрел на поднос и, разведя руки, сказал:

– Вот ничего дураку нельзя поручить, сказано же две рюмки, а стоит знать, что как три....

Он вновь взял рюмку обнюхал её, затем для чего-то по-

смотрел через неё на свет и, вернув на место, подошёл к окну, поправив тяжёлые плотные шторы. Обернувшись к столу, приблизился и уселся в кресло, приговаривая:

– А вот теперь всё дружок! Будешь ты ещё долго нас помнить. Я уж расстараюсь, будь покоен. А всё потому, что надобно этикет соблюдать, коли перед тобой русский посол, князь, уж будь любезен, прояви уважение к титулу и возрасту.

Убедившись, что чернила высохли, Куракин сложил письмо в плотный пакет, а затем, подписав его, налил жидкого воска и припечатал увесистой печатью с вензелями и имперским орлом. Обойдя стол, он долго рассматривал послание с разных углов и затем, потирая руки, довольно произнёс:

– Так-так, пристроил человечка. Совершенно надоел мне сей городец. С превеликим удовольствием отправлюсь я в Надеждино, коли не будет государю во мне нужды. Да первым делом прикажу истопить баньку да подать солёных огурцов и мочёных яблок.

Князь взял в руки колокольчик и несколько раз энергично встряхнул его, после чего на пороге кабинета опять появился слуга.

– Ну как..., Прощка где?

– Да тут он, Ваша светлость, ожидает в приёмной!

– Давай, давай его сюда подлеца, и вот что, принеси-ка ещё мне рюмку и всё что полагается.

Слуга поклонился и тут же вместо него на пороге появил-

ся офицер для особых поручений при русском после поручик от кирасир Прохор Ульрих. Князь оглядел его с ног до головы и остался доволен, однако тут же быстро приблизился, глядя прямо в глаза, и несколько раз втянул носом воздух, спросив:

– А ты часом, не пьян ли?

Офицер улыбнулся и ответил:

– Да как же можно, Ваша светлость! А пьяным стать, у меня ещё будет время. Как пред Богом..., я трезв!

– Вижу, вижу.... Хотя.... А от чего рожа такая, одеколоном за три версты прёт, словно ты на променада собрался, или опять баб всю ночь пахал, скакал на них как жеребец?

– Ну Ваша Светлость...

– Ох, Прощка, Прощка изведёшь ты себя в этом Париже.

– Дык тут такое дело, решил я пройтись....

– Вот что, братец, про твои кобелиные подвиги я слышать не желаю! Вся прислуга от тебя шарахается как от чёрта, Прости Господи! – перебил его посол, замахав руками, – Но к делу.... Есть от меня государю пакет, очень важный. Ты отправляешься с важным поручением в Петербург. И помни, ни одна живая душа не должна знать, что в этом пакете. Лети птицей или гадом ползи, но доставь его прямо в руки государя нашего. И не медли. Иди с Богом, путь неблизкий.

Ульрих принял пакет из рук посла и вытянулся в стойку. Князь похлопал его по плечу и произнёс:

– Да схорони подальше-то тугамент.... Войне скоро

быть... , вот такие дела, братец мой Прохор. Ну, ступай... , да выезжай немедленно и что бы ни каких кабаков.

Офицер звонко щёлкнул шпорами и, убрав пакет за киясу, развернулся и покинул кабинет. В приёмной он вновь столкнулся с лакеем, тащившим поднос.

– Это опять ты?

Напирая своим корпусом, он заставил человека отступить на несколько шагов назад и тихо прикрыл дверь кабинета посла.

– Прошу вас, господин офицер. Не губите, Христом богом заклинаю! – заговорил слуга.

– Хм-м-м, – глухо прорычал Ульрих.

– Вот, вот, возьмите!

Он протянул поручику маленький штофчик с водкой, достав его из-под одежды. Прохор взял его и несколько раз крутанув, влил добрую порцию напитка в глотку.

– А вы возьмите водку с собой, господин, – предложил лакей, – Я нарочно налил в такую бутылочку, знал наперёд, что встречу вас. Так понимаю, что у вас далёкий путь? Вы едете в Россию?

– А ты добрый, не забуду тебя, братец! – хриплым голосом произнёс Ульрих.

– Поклонитесь уж там Родине, сами-то мы и не знаем, когда возвернёмся, и вернёмся ли вообще. Да и барин, видно как извёлся. Пропадём тут в неметчине.

Опустив голову, он обошёл Ульриха и, открыв дверь,

скрылся в глубине кабинета.

Прохор проводил его взглядом, потом посмотрел на бутылочку и, спрятав её под одежду, вышел из приёмной, громко топая каблуками.

На пороге возник лакей с подносом, который осторожно поставил принесённое на стол, и неслышно удалился. Князь взял в руки рюмку, и поднёс было её ко рту, но передумав, подошёл к окну. Через минуту он услышал звонкий топот копыт и всё тот же кавалергард, сидя верхом на огромном коне в развевающейся шинели пронёсся в ворота посольства и скрылся за углом.

– Помоги тебе, Господи, соколик! Только доберись, намеренно такого держу, что бы по Европам пробрался, – произнёс посол, – Эх ты ж..., надо было царю ещё про репу прописать, как о нас в европах мыслят.... Хотя наверно не след про такое докладать, – и, подняв рюмку, залпом выпил её, не отрывая взгляда от окна.

Император взирал на Александра Борисовича с огромного портрета на стене. «Светлейший» поднёс пустую посуду к носу, и вдруг обернувшись, виновато посмотрел на портрет. Пряча от нарисованного взгляда царя руку за спиной, он осторожно пересёк кабинет и поставил рюмку на поднос. Вернувшись к своему столу, князь достал многочисленные бумаги, находящиеся в папках и, собрав их, расположился на небольшом пуфике у камина.

Внимательно рассматривая каждый документ, он бросал их в огонь, продолжая ворчать:

– О тока сунься к нам, вот там-то почувствуешь русский дух, да так, что репа тебе розами покажется.... Тьфу ты, вот привязалась-то репа эта.... Ничего-о-о..., с туркой да Карлой сладили, и тебе достанется, всему твоему Императорскому Величеству.

Куракин вертляво изобразил реверанс, взмахнув руками от чего несколько листов заскользив по воздуху, разлетелись в разные стороны. Он тяжело поднялся со стульчика и, взглянув снова на портрет произнёс, разведя в сторону руки:

– Прости, государь, всё что мог я сделал.... Так бы дать тому Бонапарту в рожу, но служба такая, что приходится улыбаться....

Нарисованный император молчал. Собрав листы, князь вернулся к камину, тяжело вздохнул и добавил, оглянувшись:

– А тебя надо во первую очередь упаковывать-то. Только бы доехал Прошка, время- то какое беспокойное, почитай вся Европа под этим антихристом прогибается. Союзнички хреновы.

Он бросил несколько листов в огонь, а потом долго сидел, словно замороженный смотря на пламя, в котором виделась ему даже не будущая, а уже настоящая война.

Почти через три недели, 12 июня 1812 года французская армия перейдёт реку Неман и всем своим шестисоттысяч-

ным войском «о двадцати языках», как называли французскую армию русские из-за большого количества союзных солдат, вторгнется в пределы Российской империи. Но ещё около месяца русская дипломатическая миссия будет находиться в Париже, после чего получит разрешение оставить Францию.

*Его Величеству Государю Императору Самодержцу
Александру I.
(скрытно, секретно)*

Ваше Величество, Государь мой, обращаюсь к Вам, чтобы сообщить о бедственном положении слуг твоих, в кое звергает нас наше пребывание во Французской Империи. С тем поставлены мы тобой, государь, чтобы блюсти интересы нашего государства и действовать от имени Вашей монаршей милости в дальних землях.

Суть письма состоит в том, что императором Франции Бонапартом Наполеоном и его окружением, не оказывается мне и моим соратникам должного уважения, ни дворянскому положению, ни рангам которые мы были удостоены Вашей волей. От того и пишу тебе Государь, что нуждаюсь в руководстве, а не какой другой корысти или трусости, как надобно мне поступить.

Имея продолжительную аудиенцию с императором, на кошу я был вызван последним, тон беседы оставлял желать лучшего. Тогда же император Наполеон буквально

но потребовал выполнения Вами условий Тильзитского мира и договора в Эрфурте в одностороннем порядке и присоединения Российской империи к военному союзу с Францией на вассальных условиях. Требование установить над Польшей французский протекторат я так же счёл невозможным. Мною было предложено, как условие возможного военного союза, это вернуться к договорам заключённым «Эрфутской военной конвенцией», на что император грубо одёрнул меня и сообщил, что ни о каких соглашениях не может быть и речи. Ранее признание им территорий Финляндии, Валахии и Молдавии считает для себя и Франции унижительными и далее невозможными. В конце концов, я предложил Наполеону обсудить спорные вопросы на высочайшем уровне, но мне было сообщено, что он не нуждается в подобном мероприятии пусть даже если русские войска подойдут к стенам Парижа.

Действуя в интересах Вашего Величества и Российской империи, не поддаваясь эмоциям, а так же учитывая сложившуюся обстановку на европейском театре, я сообщил императору Наполеону что ради сохранения мира и благоприятных отношений, ему необходимо отвести свои войска из Пруссии за реку Эльба, из Померании, Данигига и Герцогства Варшавского, и не чинить препятствий вести России торговые отношения с нейтральными странами. На что в возмутительно- грубой форме мне было указано, что ни Ваше Величество, ни кто бы то ни был вообще, не могут

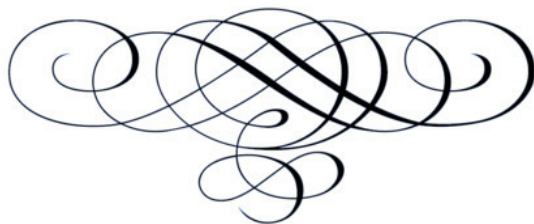
выдвигать подобные условия Императору Франции.

Подобные заявления делают моё пребывание бессмысленным и нецелесообразным, поэтому осмелюсь просить Ваше Величество рассмотреть возможность отзыва верительных грамот и возвращение дипломатического пачпорта русской миссии, что даёт нам право покинуть Францию. Но ежели интересы империи требуют моего присутствия здесь, то, не считаясь с опасностями или другими препятствиями, я готов исполнить свой долг до конца.

Затем уповаю на тебя, и молю о твоём благоденствии, Государь мой.

Май 21 дня 1812 год.

*Посол Российской Империи во Франции
Князь А. Б. Куракин*

Глава 4.

«Прекрасная Эльжбета Марциновска»

Австрийская Империя, город Лемберг, весна 1812 год.

Поздним дождливым вечером весны 1812 года, в таверну под названием «Прекрасная Эльжбета Марциновска», что располагалась почти на окраине городка Лемберг (*ныне г. Львов. Украина*), изнемогая от усталости, ввалился огромного вида человек в грязном плаще скрывающем военный мундир. В высокой чёрной каске с медной отделкой русского образца, с характерным гребнем в верхней части. Его головной убор накрывала перетянутая завязками специальная накидка, скрыв репейку и закрывающая, своей ниспадающей частью, шею. Белые колеты на ногах и высокие ботфорты были покрыты грязью. Тело закрывала лёгкая кираса, перетянутая ремнями. В руках он держал короткий нарезной штуцер, очевидно вынутый из чехла, притороченного к седлу лошади. Военный осмотрелся, в поисках свободного стола, постояв на пороге заведения, и проследовал через небольшой зал таверны, к выбранному месту. Посетителей в тот час было немного. У дальней стены за столиком расположился пастор, при свече углубившись в чтение какой-то книги и потягивая из глубокой чашки чай. Два горожанина допив

из своих пивных кружек, поднялись из-за стола и, кивнув трактирщику, маленькому взъерошенному человечку в фартуке до пола, вышли из таверны, осторожно обойдя прибывшего военного, стараясь не смотреть ему в глаза. Закутанная в платки женщина вытащила из корзины несколько связок толстых свечей и, получив плату за товар, так же торопливо выпорхнула из заведения. Путник снял с себя промокший плащ, представ в мундире офицера Малороссийского кирасирского полка Русской Армии, судя по наличию жёлтого цвета на обшлагах, погонах и воротнике. Своим появлением кроме священника, он привлёк внимание ещё трёх человек сидящих за столом в середине зала. Это были польские военные. Обозначения их воинской принадлежности скрывало скудное освещение помещения, но отдельно вырывающиеся фразы выдавали в них именно поляков из подразделения гусар. Они переглянулись между собой, перебросившись несколькими фразами, и вновь принялись за внушительную трапезу. Новый посетитель снял каску и поставил её на лавку справа от себя, незаметно положив между собой и головным убором пистолет, и принялся ждать, покуда кто-нибудь подойдёт к нему и примет заказ. Согревшись, он немного задремал от тепла, исходящего из камина. Ему даже приснился сон.

– Прошка, monsieur le lieutenant Ulrich. Réveille-toi, réveille-toi! (*франц. Прошка, господин поручик Ульрих. Просытайся, просытайся!*) – слышался ему дивный женский го-

лос.

Прохор ощутил нежное тепло ладони, без всякого сомнения, прекрасной дамы, скорее всего певички из какого-нибудь кабаре и вздрогнул, открыв глаза. Никакой женщины рядом не было. А жар исходил от огня, где негромко потрескивали поленья. Ульрих помотал головой, отгоняя усталость и сон. Нестерпимое чувство голода заставило его проявить некоторое нетерпение, и он оглянулся в сторону стойки, где человек, с невозмутимым видом продолжал протирать полотенцем тарелки так, словно и не было никакого нового посетителя, появившегося около десяти минут назад. Прохор сдвинул брови и, обернувшись всем своим мощным корпусом, в упор стал рассматривать хозяина заведения. Мельком увидев подобное внимание со стороны посетителя, человек ещё более углубился в своё занятие, взяв следующую тарелку, старательно дыша на край посуды и нервно протирая её всё тем же полотенцем. С шумом выдохнув воздух, военный взял в руки небольшую глиняную солонку и, повертев её в руках, несколько раз громко стукнул о стол. Ситуация не изменилась. Один из мужчин за соседним столиком обернувшись, обратился в полголоса к хозяину, кинув несколько еле уловимых фраз. Хозяин бросил своё занятие, и смешно перебирая ножками, приблизился с большим подносом к столу, суетливо принявшись убирать остатки еды и протирая столешницу. Другой офицер из гостей поманил хозяина пальцем, от чего тот склонился ещё ниже и стал вниматель-

но слушать. Покорно закивав головой, затем он подхватил поднос и направился к стойке.

– Эй, братец любез... ный, как тебя..., – обратился было Ульрих, но трактирщик даже не взглянул на него, пробежав мимо.

Наоборот, он скоро появился вновь и, подбежав к соседнему столу, заботливо расставил большие кружки с каким-то напитком.

– Пан? – негромко произнёс плюгавенький человечек в фартуке.

Польский офицер кивнул головой и хозяин, переместился на противоположный край стола, уткнувшись взглядом в пол. Военный развернулся сев верхом на скамью, а затем со стуком положил ногу в грязном сапоге, вызывая де-монстрируя подошву к гостю, и громко отрыгнул. Проща нервно забарабанил пальцами по столу. Подняв голову, он вновь обратился к хозяину:

– Подойди ко мне, кабацкая твоя душа!

– Jeśli nazywasz pana, to jest ani gdzie się nie pójdzie, dopóki nie skończymy jeść. Więc będziesz musiał poczekać! (*польск. Если ты зовёшь хозяина, то он ни куда не пойдёт до тех пор, пока мы не закончим ужинать. Так что тебе придётся подождать!*) – сказал всё тот же офицер.

Ему очень хотелось быть понятым, поэтому он намеренно произносил свои слова медленно.

– Jeśli ci się coś nie podoba, to poszukaj inna instytucja

і најлеpiej w Rosji. (*польск. Если же тебе что-то не нравится, то поищи другое заведение и лучшие всего в России.*) – подержал своего товарища другой военный, вытирая жирные от мяса пальцы тряпочной салфеткой.

Все трое презрительно усмехнулись.

– Dir wird noch besser kommen. (*нем. Тебе всё же будет лучше подойти*) – настойчиво произнёс поручик, перейдя на немецкий язык.

Словно после сна, он потянул свои руки, незаметно взведя курок пистолета, взглянув мельком на штуцер, лежавший на столе, и стал ожидать реакции. Поляки переглянулись. Очевидно, что они поняли его и в первый раз и во второй.

Хозяин дёрнулся всем телом, наверно желая всё же приблизиться, но один из военных остановил его жестом руки и ответил:

– Nadal jest ani gdzie się nie pójdzie i nie dostaniesz. Pojawił się tutaj, więc siedź i czekaj. Zobaczymy, kiedy będzie można ci rzucić kość. (*польск. Всё равно он ни куда не пойдёт и потвоему не будет. Явился сюда, так сиди и жди. Мы сами решим, когда можно будет тебе бросить косточку.*)

Не переставая скалиться, польский гусар вытащил пистолет и положил его перед собой на стол и добавил:

– Powiedz dziękuję ci, że w ogóle pozwolono wejść, a nie kazali czekać tam, na ulicy. (*польск. Скажи спасибо, что тебе вообще позволили войти, а не заставили ждать там, на улице.*)

– М-да уж, – глухо произнёс Ульрих, сжимая ладонь в кулак, – Пялится вот так, очень даже неприлично, но я научу тебя хорошим манерам!

Он посмотрел исподлобья на польских офицеров.

– Раз, два, три.... А вон в углу, ещё кто-то, сапогом торчит.... Значит, получается четверо? Трактирщик не полезет, он того и гляди со страху рассудка лишится и пастор наверно тоже, а вот эти и их четверо.... Хреновая история, господин поручик. А ничего, одному дам в морду первый, остальные и обделаются, ну и пистолет, для самых пылких.

Так рассуждал про себя Прохор, оценивая обстановку. Он поднял голову и спросил:

– Значит, нет?

Польские офицеры переглянулись, и один ответил, замахав руками:

– Nie! Wynoś się stąd, pies! (*польск. Нет! Проваливай отсюда, собака!*)

– Ну нет, так нет, – глухо произнёс Ульрих, демонстративно притягивая к себе огромную саблю.

Поляки напряглись, и стали медленно подниматься со своих мест. Еле заметное лицо святого отца исчезло в глубине тёмного угла, отодвинувшись от света горевшей свечки. И, в этот же момент, вдруг раздался какой-то стук, один из офицеров вздрогнул и уронил голову на грудь, опускаясь на скамью. Посидев пару секунд, он свалился с окровавленной головой на пол, куда посыпались осколки пивной кружки.

ки из обожженной глины. Из темноты угла возник человек, который направлял свой пистолет то на одного, то на другого поляка. Проведя свободной рукой по своему лицу, он зевнул и угрожающе произнёс:

– Опустите свои задницы и сидите смирно, паны. Надеюсь, вы меня понимаете?

Он взял лежащий на столе пистолет, ловко кинув его Ульриху, затем разоружил своих внезапных пленников и добавил:

– Нет, братцы- поляки, с вами у меня благородной дуэли тут не будет! Любому, кто вздумает дёрнуться, я в момент прострелю бошку.

Хозяин таверны в ужасе прижался к стене, прижимая полотенце к груди, словно пытался за ним спрятаться и прохрипел:

– Цо пан желае?

Человек улыбнулся и ответил:

– Ну вот..., как мило! «Цо пан желае»..., – затем он угрожающе сдвинул брови, глаза его сверкнули и он прорычал, – Пан ожидает свой заказ уже целый час. А ты всего лишь умудрился подать это кислое пойло, которое ты называешь вином. Сразу видно, не пожалел водицы-то..., от души разбавил, паскудник!

– Так есть, так есть, – забубнил человечек, перебирая руками, не решив, что делать с полотенцем.

– Значит так..., два больших куска жареного мяса, бутыл-

ку вина, кислой капусты подай и пошевеливайся. Я очень голоден и тот господин офицер тоже.

– Так есть, так есть..., – вновь запричитал хозяин, не решаясь сдвинуться с места, – Проще, проще вас.... Вас, пане-господине офицеров!

От чего-то трактирщик стал указывать одной рукой на лавку, где сидели поляки, а другой судорожно протирать стол.

– Так иди уже, – прикрикнул на него человек, – А с этими я не сяду, отдельно накроешь, а то тесно нам будет!

Трактирщик скрылся.

Приставив пистолет к голове польского офицера, человек обратился к Прохору:

– Полагаю, вы русский? Мундир на вас....

Ульрих согласно кивнул головой, не отводя оружия от второго пленника.

– Тогда позвольте представиться, Алексей Колбанов. Стою при военном атташе..., – он оглянулся на «Эльжбету», голова которого выглядывала из-за стойки и добавил. – Всё остальное позже, за тёплым уютным ужином, в этом милом заведении.

Алексей спиной приблизился к Ульриху, не сводя глаз с пленников. Оглядев помещение, он встретился взглядом с трактирщиком. Увидев, что на него смотрят, хозяин боязливо нырнул за прилавок, вовсе скрывшись из виду.

Колбанов приподнялся на цыпочках и громко спросил:

– Так ведь? «Прекрасная Эльжбета». Милое у тебя заведение как я посмотрю. И компания подходящая, даже святой отец имеется!

За прилавком что-то громко упало.

– Обморок, – скалясь, предположил Ульрих, – Эй.... Ты там живой, «Эльжбета»? Пан Марциновски?

Сначала появилась голова с блестящей залысиной и всклокоченными волосами, а затем и сам хозяин, который угодливо закивал головой и забормотал:

– Так есть, так есть! Марциновски, Марциновски, то я....

Он подбежал к Прохору и стал протирать стол, затем скамейки, приговаривая:

– Эльжбета Марциновска, то е моя цорке-панонька.... То е дочке.... Жестом замаж цорке оддае за чоловіка и шинок в посагу. Ние забияе мние, панове- офицерове, проше ние забияе....

Он несколько раз указал пальцем на оружие.

– А-а-а, не хочешь, что бы мы убили тебя?

Трактирщик затряс головой и протянул руки Прохору:

– Так, так, панове.... Я бедный человек. Вжистку..., э-э-э, то е те воют, а мие горе...

– Смотри-ка, почти по-русски залепетал, а всё равно ничего не понятно. Ух, душа наизнанку, пошевеливайся давай! – прервал его Алексей, – Жрать давай! Надеюсь переводить не надо?

Трактирщик, втянув голову в плечи, прошмыгнул между

двух офицеров.

– Поручик Ульрих.... Прохор Ульрих, – в свою очередь произнёс Прощка, поднимаясь со скамьи и протянув для приветствия руку, – Еду в Россию.... За капустой....

Колбанов усмехнулся и ответил:

– Ну да, ну да, конечно за капустой, зачем же ещё....

Они крепко пожали друг другу руки и, не сговариваясь, усталились на сидевших поляков. К столу подбежал хозяин и выставил пару кружек, бутылку вина, столовые приборы и два огромных куска мяса на больших блюдах. Поклонившись, он собрался было исчезнуть подальше от этих русских, но Ульрих поймал его, схватив за шиворот.

– Стой, каналья! Принеси- ка нам верёвок сюда и побыстрее.

Кивнув головой, хозяин исчез. Ему хватило пары минут, что бы появиться вновь, протягивая требуемое.

– Покуда тут побудь, не уходи.

Ульрих бросил одну верёвку поляку и приказал:

– Вяжи его!

Поляк отрицательно замотал головой.

– Вяжи, – зарычал Прохор, – Иначе я тебе руки выломаю!

Оба пленника переглянулись, и один из них стал связывать руки другому, переместив их за спину. Алексей взял вторую верёвку и связал второго пленника, а затем и обоих, привязав их спиной друг к другу, усадив верхом на лавке.

– Вот так-то будет лучше? – с удовольствием произнёс

Алексей.

В темноте угла что-то зашевелилось и в пламени свечи появилось вытянутое лицо пастора. Офицеры переглянулись, и Колбанов потрясая кулаком, прошипел:

– Ух, смотри и ты у меня. А то вмиг на небеса отправишься. Как раз у тебя всё с собой. Читай и не отвлекайся.

Лицо исчезло. Новые друзья рассмеялись.

– Панове, панове..., – опять проскулил хозяин.

– Ага, теперь ты! Иди- ка сюда, – подозвал Алексей человека.

Он взял со стола большую бутылку и налив в кружку некоторое количество напитка протянул её хозяину.

– Пей!

– Цо панове, цо есть не так? – затрясся от страха трактирщик.

Колбанов схватил его за худые щёки и поднёс кружку ко рту.

– Пей, сука! Знаю я ваше нутро. Яду насыпал, подлец?

– Так нет, так нет, пшысегам, пшысегам!

– Присягаешь что ли? – спросил Ульрих.

– А-га-га, то есть мие клява, – заикаясь, ответил трактирщик.

– Что же ты, подлец, русский язык не выучил, пока под Россией был? Вже- вже да пше- пше только и слышишь от вас.... Ну ничего, скоро мы вас в обратку загоним. Женим твою Эльжбету на русском парне, а тебя в православие пе-

рекроем, сам лично в реке перекрещивать буду, пока своей жопой не всплывёшь. Хочешь?

– Так, панове, так, – затряс головой хозяин.

– А царя нашего любишь, курва?

Трактирщик вновь согласился, пытаюсь изобразить на лице улыбку.

– Ну люби, люби, он-то тебя уж точно в обиду не даст. Не то что эти.

Ульрих кивнул на связанных польских офицеров.

– Пей уже, – прикрикнул Алексей.

Стуча зубами о край кружки, трактирщик сделал несколько глотков и уставился на русских.

– Так нет..., – и в подтверждение своих слов допил всё содержимое, утерев рукавом свой рот.

– Ну вот и славно. Сейчас я вижу, что «так нет»! Теперь жри мясо, продажная душа! Вот тут отрежь!

Хозяин улыбнулся и, отделив ножом указываемый кусок, проглотил его с удовольствием. Офицеры опять переглянулись и Алексей сказал:

– Значит так, неси, что там есть у тебя, всё это в тряпицу заверни, мы уезжаем. В следующий раз погостим подольше, если ты уж так рад нас видеть.

Завернув провизию в кусок материи, офицеры сложили всё это в сумки и оделись. Алексей положил на стол несколько монет, затем подойдя к связанным полякам, кинул им три ассигнации:

– А это вам, паны поляки. За моральный ущерб! Можете выпить за здоровье вашего императора. Они у вас на обгонки меняются, а вы как бабы продажные, всем готовы кланяться.

Распахнув дверь, они остановились на пороге.

Ульрих обернулся и громко произнёс, обращаясь к оставшимся:

– И что бы тихо было! А ты, отче, пока молитву прочти, какую сам выберешь! Чего в углу сидеть без толку-то. И что бы тут без фокусов, а нет, так я вернусь, спалю этот паршивый шинок, а вас всех убью!

Закатив глаза, трактирщик пополз по стене, теряя сознание, едва не свалившись на пол. Словно в подтверждение его слов ярко блеснула молния, и тут же раздался продолжительный гром. Эти два русских стояли в дверном проёме, оба огромного роста в развевающихся на сквозняке чёрных плащах с оружием в руках. Несколько свечей погасло, сделав картину происходящего ещё более жуткой.

– Господь и Сатано ждут вас, грешники! – произнёс Алексей, воздев вверх два пальца, – Молитесь! Страшный Суд будет вам! Аминь, Бонапартовы шлюхи!

Колбанов указал пальцем на дрожащего хозяина.

– И «Эльжбету» мне не обижайте.

– А-а-ай, – пискнул он и упал на колени, спрятавшись под стол.

Стало тихо, кроме шума дождя и сбивчивого голоса пастора.

– Ув- ув- ув..., леший тебя побери, – прислушавшись, передразнил его Алексей, трясая своей головой.

Улица вновь осветилась молнией, офицеры рассмеялись и исчезли в пелене дождя.

Выглянув из-за стола, «Эльжбета» быстро сгрёб деньги и пополз на четвереньках в сторону стойки, держа во рту полотенце, приговаривая сквозь сжатые зубы:

– Coś w rodzaju diabła diabła, coś w rodzaju diabła diabła... Jeszcze i coś w rodzaju diabła przyjdzie..., diabła, diabła... *(польск. Леший побери, леший побери.... Еще и леший придёт..., побери, побери....)*

Быстро забежав в стойло, Ульрих крикнул, указывая на своего коня:

– Выводи!

Затем он вытащил нож и перерезал подпруги у коней поляков.

– Так вернее будет? – объяснил Прохор свои действия.

– Да ты что? Они не погонятся, их же всего лишь двое, – усмехнулся Колбанов и, подтягивая сбрую, спросил, – Ты теперь куда?

– Пока в Заслав, в Ставку генерала Тормасова! А потом Житомир, Киев и на Смоленск, а дальше как Бог даст! – ответил Ульрих, делая то же самое.

Сев верхом, Алексей кивнул головой и ответил, привязы-

вая походную сумку с продуктами:

– Кони без отдыха, так что погонять не будем. Далеко За-слав-то будет, в раз не доберёшься. В общем так, давай-ка пока поедем, в лесу заночуем да передохнём, костра разводить тоже не будем. Тут оставаться опасно.

– А ты зачем с этими-то расплатился? – спросил Прохор.

– Так ассигнации фальшивые. Они же сами и шлёпают, вот ведь паскуды! – ответил Колбанов.

– А монеты?

– А монеты настоящие!

Ульрих согласно кивнул головой, натягивая по глубже каску поправляя блестящие ремешки, и сказал:

– Ох и ловок ты, Алексей Колбанов! Спасибо тебе!

– А ты что, с этими на шпагах драться собирался?

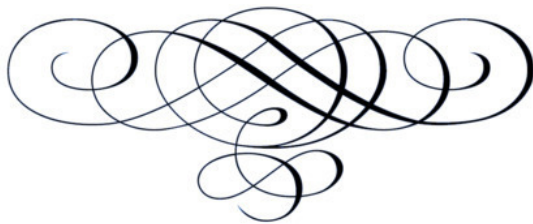
– Да вот ещё, господа нашлись..., – пожал плечами Ульрих, – Да пострелял бы и всех делов- то!

– Я в Петербург направляюсь, – крикнул Колбанов, трогаясь с места.

– Ну так и я туда же! Поехали отсюда! Но-о-о!

Страшными, почти мистическими всадниками они пронесли по спящим улочкам Лемберга, громко цокая подковами лошадей. Достигнув сторожевой будки, не останавливаясь, они перемахнули через опущенный шлагбаум и умчались в дождливую темноту ночи. Сидевший в будке австрийский солдат, заметив две странные тени, вцепился в ружьё

и крепко зажмурил глаза. Посидев так несколько секунд, он с опаской выглянул наружу, посмотрев в ту сторону, куда умчались всадники, и несколько раз перекрестился, решив не поднимать шума и не испытывать судьбу.

Глава 5.

Неман.

Славянская нимфа.

– Пьер..., – негромко позвал солдат своего напарника, – Эй....

Было раннее летнее утро. Солнце красиво поднималось из-за леса с востока. Белоснежные облака плыли по голубому небу, отражаясь в водах широкой реки. Огромная капля росы, повинаясь земному притяжению, сползла по травинке и застыла в ожидании момента, когда какая-нибудь сила столкнёт её вниз. А пока, огромной слезой, она отражала в своей чистоте солнечный свет. «Бз-з-зэу-у-ум-м-м»..., Ро-

бер осторожно протянул руку, когда на травинку опустилась «божья коровка». Нарушив природное равновесие, капля соскользнула. Беспокойный жучок торопливо побежал по травяному мостику, очевидно желая утолить жажду, но капли уже не было. Поводив усиками жучёк, отправился было обратно, но Робер осторожно подставил ему свой указательный палец, и насекомое оказалось на руке солдата. Перебирая маленькими лапками, он пустился в свой бесконечный путь, перебегая с тыльной стороны ладони на наружную и обратно, очевидно преследуя одному ему известную цель. Робер осмотрелся и увидел ещё одну каплю росы на желобке травинки и, подавшись вперёд, протянул ладонь с жуком вперёд. Не оценив такой заботы, «божья коровка» неторопливо подняла красный панцирь с чёрными горошинками и, выпустив крылья, поднялась в воздух, что бы уже самостоятельно присесть и утолить жажду. Робер вновь приблизился, что бы рассмотреть поближе действия жучка, но вдруг коснулся лицом липкой паутины, по которой, тут же побежал маленький паучок, но оценив размеры «жертвы» он развернулся и быстро скрылся в траве.

– Тьфу ты, – произнёс солдат, смахивая неприятную паутину с лица, и вновь обратился к напарнику. – Пье-ер....

Пьер не отвечал.

Два солдата авангардного дозора французской армии расположились в кустах на польском берегу реки Неман и вот уже несколько дней посменно вели наблюдение за противо-

положным берегом, куда в последнее время они стремились увлекаемые волей и идеями императора Франции. Особым приказом по армии открыто появляться на берегу было запрещено. Так что даже дозорные смены вынуждены были передвигаться скрытно, чтобы поменять наблюдателей. Сотни тысяч людей и десятки тысяч лошадей, продовольственные, фуражные, госпитальные и обозы с боеприпасами были надёжно скрыты от глаз возможных русских лазутчиков. Всё ждало лишь взмаха руки всемогущего императора, чтобы Великая Армия пришла в движение. Наполеон тщательно скрывал свои приготовления вторгнуться в Россию, но более всего он содержал в личной тайне истинную причину этого похода известную лишь ему одному. Желание войти именно в Москву во главе своей армии, приняв от депутации символические ключи от города, окунуться в атмосферу древних палат Кремля рассматривая их как собственную резиденцию, вот что не давало императору покоя. Даже вид египетских пирамид меркнул перед мыслями о Кремле. А позже, насладившись победой, Наполеон наконец-то смог заняться Англией. Введя рекрутскую повинность на завоёванной территории, он рассчитывал существенно повысить численность своей армии русскими полками, добыча могла поправить финансовое положение и отправиться в Индию. Но пока это были лишь мечты, которые он начал реализовывать, выбрав сужающуюся часть Немана, где и решил осуществить переправу.

– Вот ведь жизнь у этой букашки, – рассуждал он, – Ни войны ей, ни сенокоса не надо. Сейчас попьёт и полетит к своей жучихе и к деткам наверно. А, интересно, что же они едят?

Робер пихнул своего товарища в бок локтем и спросил:

– Ты что..., спишь?

Пьер хлопнул себя по щеке, убив комара, и ответил, не поворачивая головы:

– Нет, я не сплю....

Робер перевернулся на спину, не выпуская из рук ружья, и спросил:

– Значит, не знаешь, чем жуки питаются? Ползает тут один.... Вот эти писатели, я встречал одного. Приехал из города, аж с самого Парижа..., там-то нет такой природы. Разложил этот господин свои бумаги, перо да чернила, в стог с сеном упал и давай стихотворы сочинять. Сочиняет и орёт, сочиняет и орёт, а потом и вовсе напился пьяным. Я ж хотел его на постоянный двор свезти, а он возьми, да закажи себе ужин да вина в довесок. Денег дал. Ну а мне-то что, я привёз, как было велено. На пустое брюхо, какое может быть сочинительство? Только говорили что после, его жандармы забрали, что бы разбойники ему бока не намяли. У него ж при себе ни пистолета, ни сабли не было, одни перья да пухырки, а ночью всякие по полям шляются. Такая вот история. Этим поэтам всё бы бражничать да природой любоваться как тому букашке.... М-да уж, какое ни какое, а ремесло,

однако и сочинять тоже надо уметь, это как кузнецу или как с конями управляться....

Пьер упорно не желал поддерживать разговор.

– Ты молчишь уже минут..., несколько минут.... У меня затекли руки и всё тело. А ещё эти проклятые комары.... А ты видел когда-нибудь медведей? – спросил Робер, – Вот я верблюдов видел, а медведей не доводилось.... В России медведи либо сидят на деревьях или пляшут на ярмарках под волынки пьяных казаков. Интересно было бы посмотреть.... А тебе?

Робер осторожно поднялся и сел на колени, разминая руки и всё тело. Затем он окинул взглядом противоположный берег реки и, подняв голову, опершись о ружьё, долго смотрел на кружащуюся в небе птицу.

– Смотри-ка..., журавль..., как красиво летает.... Наверно у него рядом гнездо....

Он вновь взглянул на своего товарища и тихо позвал его, потрепав за плечо:

– Пьер..., Пьер..., да что с тобой?

Солдат поднял голову с лежащего армейского пехотного ранца и, посмотрев на Робера, ответил:

– Чего ты пристал ко мне...? Верблюды, медведи, журавли.... Какое гнездо?

– Пьер..., – попробовал успокоить его товарищ.

Но он не дал ему закончить:

– Зачем сдалась нам та Россия?

– Так..., это....

– У меня плохое предчувствие, Робер..., а ему я верю.

– Императору? – спросил Робер.

Пьер посмотрел на него и, покрутив пальцем у виска, ответил:

– Своему предчувствию я верю, Робер. Понимаешь? Хмм, императору....

Он вновь отвернулся и, обняв ружьё, лёг, подложив под голову ранец. Робер вздохнул и расположился на животе. Сорвав травинку, он стал жевать её, пробуя травяной сок, и не отрываясь, смотрел на всё тот же берег.

Помолчав немного, Робер произнёс:

– Э-э-эх.... Третий дозор....

– Что...? – вздрогнул Пьер.

Солдат посмотрел на него и продолжил:

– Я говорю, что третий дозор мы тут и всё одно и то же. И чего наши командиры боятся? Река да камыши и никого до сих пор..., ни караула русских, ни разъезда, ни аван-постов! Ни одной живой души....

– Вот это и плохо, – ответил ему Пьер.

Робер воодушевился, решив, что вновь увидел в своём товарище старого собеседника и сказал, устраиваясь поудобней:

– Я так думаю, что Москву построили французы.

Солдат посмотрел на своего товарища и спросил:

– Это ещё почему?

– Moscou.... Moscou.... Вот вслушайся..., Moscou, – он продолжал произносить название города, сопровождая слова раскрытием пальцев собранных в щепотку, – Это французское название, удобное в произношении. А интересно, какие у русских ещё есть города помимо Санкт-Петербурга? А?

Пьер не ответил, но напарник не унимался:

– И вообще, где эта русская армия? Ну нас же должны не пускать...? А мы наверно должны наступать, а потом сразу генеральное сражение противнику и всё как обычно! Враг или бежит или сдаётся, а за нами победа.

– Эк, какой ты умный и чего тебя император не приблизил?

– А знаешь, вовсе не дурак как ты думаешь..., – обидчиво ответил Робер.

Пьер перевернулся на спину и, подняв руки вверх, развёл их в стороны, делая гимнастику, а затем взглянул на товарища, усмехнувшись:

– Ага..., тебя в маршалы..., командовать, а Коленкур или Ней пусть в кустах сидят, русских высматривают!

Внезапно Робер оживился и что есть сил, затряс Пьера за рукав шинели:

– Пьер..., Пьер..., смотри! Какой там Коленкур.

– Наверно медведь или пьяный казак? – равнодушно произнёс Пьер.

– Да нет же..., посмотри скорей.

Оба солдата улеглись на животы и, раздвинув высокую

траву стали смотреть в сторону противоположного берега. Крепкая селянка средних лет, распустив длинные русые волосы и раскачивая налитыми бёдрами, не торопясь вошла в реку чуть выше колен. Потянувшись руками вверх, от чего крупная грудь заманчиво приподнялась. Женщина набрала в ладони речную воду и с наслаждением умыла лицо.

– Кх-х-х-..., – от волнения захрипел Робер, но Пьер тут же закрыл ему рот своей ладонью.

– Заткнись, – одними губами прошептал он.

– Я проглотил комара. Он залетел мне в рот, чёрт меня побери..., что я вижу! Богиня, нимфа..., прямо из воды..., – зашептал Робер, – Кхе- кхе....

Заманчивый треугольник густых волос, что внизу живота женщины, буквально завораживал солдат. Водой из ладоней она стала омыwać своё тело, очевидно полагая, что находится в полном одиночестве и вдруг, словно огромная рыба погрузилась в воду и, делая широкие взмахи, поплыла. Она плыла по отражению, словно по небу, раздвигая огромные облака. Оголённые спина и ягодицы то появлялись, то исчезали над поверхностью. Проплыв некоторое расстояние, она перевернулась на спину обнажив грудь, и так лежала, покачиваясь на водной глади, словно на огромной постели. Женщина набирала воду в ладонь и омывала своё красивое тело. Волосы, словно огромные водоросли медленно качались на волнах.

– Это и есть русская? – спросил Робер.

– Нет..., это египтянка, – зло ответил напарник.

– Всё шутишь...? Да-а-а.... Какие они красивые оказываются эти русские...! Давай её позовём? – прохрипел Робер, – У меня есть вино!

Пьер взглянул на него и промолчал, но и без слов было понятно, их попросту не нашлось, что бы ответить на предложение своего товарища. Женщина внезапно подняла вверх ногу и изогнувшись, исчезла под водой. Солдаты переглянулись и даже не сговариваясь, привстали, но через секунды она вновь показалась над водой. Они бросились на землю ничком и теперь лежали не шевелясь. Селянка направилась к берегу.

Откуда-то из-за спины наблюдателей, совершенно внезапно возник невероятный шум. Солдаты переглянулись и обратили свои взгляды на этот громкий источник. Огромная колонна из конных подвод несколькими колоннами приближалась к берегу.

– Чё-ё-ёрт..., – простонал Робер, – Только вас тут не хватало!

Он от отчаяния уткнулся лицом в ладони, а затем вновь стал смотреть на женщину. На противоположном берегу из прибрежных кустов появились два вооружённых всадника в синих мундирах, перетянутых ремнями и высоких шапках. Женщина подплыла к берегу и, прикрывая грудь, другой рукой стала махать им. Они как по команде развернули крупами коней, и так стояли, покуда она не сдёрнула с вет-

ки склонившегося дерева длинную белую рубаху и быстро надела её на тело. Всадники развернулись и наблюдали, как женщина стала прибирать свои мокрые волосы. Они о чём-то говорили между собой. Внезапно один из них привстав на стременах, стал указывать рукой в сторону польского берега, по которому к Неману двигались обозы французских сапёров.

– Что это, Пьер? Куда они собрались? – спросил Робер.

– Ты болван, Робер! Это наши сапёры..., полагаю, что они будут ставить переправы!

– А эти...? Ну, которые там? – Робер кивнул головой в сторону русского берега.

Пьер поднялся и, надев кивер, ответил:

– Ты хотел увидеть русскую армию? Так вот это она и есть..., русская армия..., и я не удивлюсь, если сейчас появится медведь, который выкатит пушку и всадит в обоз пару ядер.

– Там всего два всадника, Пьер и эта женщина...! Какой ещё медведь...? – ничего не понимая, произнёс Робер.

С противоположного берега раздались два громких выстрела.

– Тиу..., – «пропела» пуля.

Солдаты упали на землю, но тут же подняв головы, стали смотреть на русских. Один из кавалеристов ловко подхватил на крепкий конский круп селянку, и они скрылись в чаще леса.

– Так это..., они в нас стреляют! А теперь уехали, – прошептал Робер.

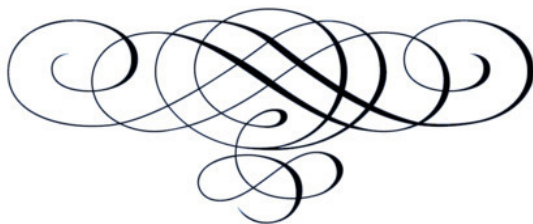
Пьер посмотрел на него и ответил:

– А что ты хотел от них? Ни куда они не уехали.... Они рядом..., им некуда уезжать! Они будут защищать свои дома.... А что мы у них забыли, чего нам не хватает дома? Вот потому я и спрашиваю, зачем мы хотим идти в эту Россию? Вот лично ты, что там забыл?

Французские сапёры высыпали к берегу и стали кричать вслед русским:

– Эй, эй, там! Русские, ну куда же вы? А не желаете прокатиться по нашему мосту? Ждите в гости, мы уже идём!

– Господи, сколько же много идиотов ты собрал в одном месте..., – в отчаянии произнёс Пьер и уронил голову на руки.

Глава 6.

Яблоко на траве

*30 июня 1812 год, село Дорогомилowo 10 вёрст от г. Лида
(Российская империя. Белоруссия).*

Затмение прошло от того как стоявший рядом штабс-капитан Кирилл Щербатых одёрнул Руднёва несколько раз за рукав. За стенами церквушки были слышны звуки, которые сопровождают всю эту военную суету на недолгом привале. Вокруг было по-своему тихо и спокойно, словно не было войны. Здесь был он, его боевые товарищи по полку и самая желанная девушка на свете. На фоне событий последних двух недель, это казалось просто невероятным и лишённым смысла. Немногим менее миллиона человек совершали действия, которое называется военным искусством, но здесь и сейчас был другой мир. Ему казалось, что за свою недолгую жизнь, он совершил самый опрометчивый поступок, сначала безнадёжно влюбившись, а затем и вовсе тайно увезя из родительского дома понравившуюся ему селянку. Со свойственным молодёжным максимализмом того времени, он быстро разочаровался в светской жизни, и получив родительское благословение, посвятил себя военной службе, а к двадцати годам, без всякой протекции дослужился до артиллерийского капитана, находясь в группировке войск сосредоточенных в Молдавии под командованием князя Баг-

рациона. И вот теперь, то, что совсем недавно казалось делом всей его жизни, пошатнулось под натиском томительных чувств, рискуя разрушиться окончательно. Он сам и его избранница, с разрешения командира полка двигались на восток в составе отступающих русских войск, преследуемых императором Наполеоном.

Денис поднял голову и осмотрелся, задержавшись взглядом на удивлённом батюшке, который стоял перед аналоем, держа в руках толстую церковную книгу. Эхо от голоса священника ещё продолжало летать в помещении церкви.

– Отвечай же, – шёпотом произнёс товарищ, – Ты чего, онемел от счастья что ли? Батюшка ждёт.

Стоявшие вокруг офицеры, указывали на священника. Штабс-капитан посмотрел на батюшку и слегка кивнул головой в сторону Руднёва.

– Святой отче, он от счастья слуха лишился.

– Вот как? – удивился священник.

– Так, конечно так. Ему бы сейчас в самый раз с молодой барышней в театр прокатиться, али конями поскакать, а у нас вишь-ка, война, однако.

Соглашаясь, батюшка кашлянул в кулак и повторил:

– Имеешь ли ты, раб божий Денис искреннее и непринужденное желание и твёрдое намерение быть супругом рабы божьей девицы Екатерины, что зреешь тут пред нами и собою?

– Имею, честный отче! – ответил Руднёв.

– Не связан ты обещанием или другим действием другой девице али невесте?

– Нет, я связан, нет. У меня нет ни кого....

Помолчав немного, священник слегка кивнул головой и посмотрел на девушку. Набрав воздуха, он обратился уже к ней:

– Имеешь ли ты, Екатерина искреннее и непринужденное желание и....

– Поторопись, святой отец, – перебил его Щербатых, поправив саблю, – У нас совершенно нет времени. Неужели ты не видишь, что тут всё по согласию?

Двери притвора храма распахнулись и тут же появились трое мужчин.

– Czekajcie, czekajcie, to złodzieje! Pobyt! (*польск. Стойте, стойте, это воры! Остановитесь!*), – закричал пожилой селянин, потрясая руками.

Стоявшие за спинами молодожёнов офицеры развернулись и, преградив путь, остановили человека. От удивления батюшка раскрыл рот. Невеста, сжавшись в комок, уткнулась в грудь Руднёва, который обхватил её руками, словно защищая от внезапно возникшей опасности.

– Chcą porwać moją córkę! Zatrzymaj ich! (*польск. Они хотят похитить мою дочь! Остановите их!*), – продолжал вопить старик.

– Эх ты ж хохол! Уже в поляка перекроился? – закричал один из офицеров, – Хватай его, ребята! С самой Лиды ви-

дать за нами гонится, курва!

– На постое были у него, так три шкуры драл с нас, подлец!
У, рожа твоя панская! – подхватил ещё один офицер.

– Стойте! Остановитесь! Что вы творите в божьем доме? – громко произнёс батюшка, сверкая глазами, – Тихо всем!!!

Он обвёл всех взглядом, сопровождая его вытянутой рукой с массивным крестом, и добавил:

– Христиане! Православные! Что творите вы? От чего свою доблесть роняете?

Голоса стихли. Священник приблизился к девушке, и осторожно погладив её по голове, спросил тихим голосом:

– Не бойся, дитя. Тут тебя ни кто не обидит. Я буду твоим заступцем против любого числа.

В ответ она закивала головой.

– А теперь скажи мне безо лжи, какому богу ты веруешь?

– Она католичка, – опять завопил старик.

– О как, вот и по-русски вспомнил, Иуда! – довольно произнёс Щербатых, встряхнув как следует старика.

Двое мужчин прибывших вместе с селянином, один из которых был управляющим, а второй лавочником, угрожающе двинулись на помощь своему товарищу.

– А ну стоять, быдлы! – прошипел штабс-капитан, – А то вмиг за чубы выволоку! Плетей захотели? Лучше до греха не доводите!

Батюшка осторожно освободил девушку из объятий офицера, обнял за плечи и, отведя к аналою, спросил, смотря

прямо в заплаканные глаза:

– Это твой отец?

Она согласно закивала головой.

– Ну, хорошо. А этот офицер? Он похитил тебя? Доверься мне, ничего не бойся. Я помогу.

– Д-д-да, – заикаясь, ответила она.

– Да..., что? – переспросил священник, взглянув на Руднёва.

– Нет! Всё не так! Катя...!

Батюшка поднял руку, прерывая слова капитана.

– Я..., я....

– Смелее, дочка, смелее....

– Я..., я люблю его! Всё по согласию.

– По согласию? Это хорошо! Ты в православии? Твой отец лжет?

– Да, батюшка, в православии. Сколь помню себя, я в православии!

– Скажи мне по – совести, ты счастлива?

– Да, батюшка, да святой отец! Как пред богом ответ мой!

Священник улыбнулся и ответил:

– Верю, верю тебе, красавица! А верю, потому что вижу, как твоя душа очами сияет!

– Без родительского благословения не имеешь права! Прокляну, прокляну тебя, лживый поп! – опять заорал отец, пытаясь вырваться из крепких рук офицеров.

За стенами храма сильно ухнуло. Все оглянулись на двери

и офицер произнёс:

– Ты, святой отец поторопись уж. Не бери греха на душу, не оставь несчастных....

Священник подвёл девушку к Руднёву и вложил их ладони друг в друга.

– Идите с Богом, дети мои! Идите и ни кого не бойтесь! Будьте верны друг другу и счастливы! Нарекаю вас мужем и женой! Ступайте, я помолюсь за вас!

– А-а-а..., – завыл селянин и, упав на колени, обхватил голову руками.

Лавочник и управляющий подбежали и стали поднимать его с пола, боязливо поглядывая на выход из церквушки.

– Пан.... Пан Маницкий, пан Маницкий, ми повинні їхати. Треба поспішати! Французи підходять!

В храме появился унтер-офицер Аржаев с солдатами:

– Господа офицеры, надо бы поспешать!

Маницкий поднялся на ноги и глухо прошипел, разбрызгивая слюну:

– Cholerni moskali. Ruskie psy! Nienawidzę cię! Przyjdzie czas, pasy ze spin będziemy ciąć! (*польск. Проклятые москали. Русские собаки! Ненавижу вас! Придёт время, ремни со спин будем резать!*)

Солдаты поглядели на селян и Аржаев спросил:

– Кто это такие? Всё в порядке?

– Аржаев, выпусти этих, – произнёс Руднёв.

– А ну на выход, да поживее! – скомандовал унтер, – А мо-

жет пенделя им поддать для ускорительности?

– Так пусть катятся. Проваливайте отсюда! – крикнул один из присутствующих офицеров.

Осторожно обойдя солдат, мужики вышли из церкви.

– Сдаётся мне эти не очень рады видеть нас?

– Отправляйтесь к орудиям, – приказал Щербатых, – Мы выходим.

Руднёв взял за руку священника и, поцеловав запястье, произнёс:

– Спасибо тебе, святой отец. Век тебя помнить будем. Вот возьми денег и записки с нашими именами, да пропиши в книге обязательно.

Екатерина, последовав примеру офицера, тоже поцеловала ему руку.

– Куда же вы теперь, дети мои? – спросил батюшка, принимая записки.

– Пока на восток, как прикажут, – ответил Руднёв, – А её с пионерным обозом отправлю, покуда отступать будем, а как сдастся случай, так, Бог даст, к матушке в деревню с какой оказией. Есть у нас небольшое имение в Тверской губернии.

– А примут ли девицу твои родители, она вроде не шибко знатного рода?

– Примут, святой отец. Мой-то батюшка помер, а матушке как раз помощь в хозяйстве, да и рода мы скромного и не богатого. У нас всё по-простому. Я прописал родительнице,

только вот не знаю, кто вперёд дойдёт мы или то письмо. Как Бог даст, так тому и случиться.

Священник улыбнулся и сказал:

– Ну дай Бог, дай Бог, воины! Вы меня утешили, а теперь ступайте!

– А ты как же, батюшка? – спросил Щербатых, – Может с нами? Будешь у нас на манер прелата.

– Спаси Христос вам, но я останусь. Тут моё место! Так что за меня не болейте! А денег не надо, возьмите обратно, – ответил священник и осенил крестным знамением посетителей, – Коли чисты ваши помыслы, так и без золота счастливы станете, а через то и я с вами!

– Может пистолет тебе оставить? – спросил Руднёв, – Время такое беспокойное.

Батюшка усмехнулся и не торопясь скрылся в маленькой комнатке за неприметной дверью.

Несколько офицеров и девушка вышли из церкви и, пройдя лужайку перед храмом, спустились к дороге, по которой началось движение огромного количества войск. Сбоку дороги стояла большая пушка- «единорог», запряжённая несколькими лошадьми. Но необычно было то, что к лафету той самой пушки были привязаны оглобли лёгкого экипажа. Вся группа подошла к бричке и тут же раздался негромкий хлопок. Из большой бутылки шампанского вина в два фужера для жениха и невесты была налита порция пенного напитка. Остальные довольствовались тем, что по очереди

прикладывались к горлышку, сделав глоток или два, и поздравляли молодых.

– Закуска! – объявил Щербатых, извлекая два недозрелых яблока.

Одно он отдал Денису, а другое предложил своим товарищам, но те отказались. Он откусил и скривился от нестерпимой кислоты и бросил его на траву.

– Тьфу, кислятина какая, аж зубы свело.

Где-то сильно грохнуло, да так, что вздрогнули кони. Не отрываясь, Руднёв смотрел на катящееся яблоко, которое привиделось ему начинённым шипящим брандскугелем, жгущим всё вокруг и разрывающимся на смертельные осколки.

– Убереги, Господи и охорони нас в эту компанию, – одними губами произнёс он, – Нас всех убьют....

– Ты чего, Денис, – спросила Катя с явной тревогой в голосе, смотря на бледное лицо своего теперь уже супруга, – Что с тобой?

Она осторожно вытащила из его ладони второе яблоко и положила его на крыло экипажа. Всё, кто был рядом, внимательно смотрели на Руднёва, пытаясь понять причину беспокойства.

– Чего стоите? Вперёд, вперёд! – прокричал объезжавший колонну штабной офицер.

– Поехали! Трогай! – громко скомандовал Щербатых, махнув рукой.

Молодые заскочили в крытую бричку, остальные офицеры заняли свои места в колонне и растворились к реке из солдат, коней и обозов.

Колонна русских войск скрылась, повторяя изгибы просёлка. Затем промчался небольшой отряд казаков и всё стихло. Лишь где-то за лесом редко раздавались одиночные оружийные выстрелы. Трое мужчин в зипунах и широких шароварах осторожно вышли на дорогу, провожая колонну и боязливо оглядываясь по сторонам. Какое-то время они прятались в крытом конском стойле, где были привязаны пара осёдланных коней, а рядом стояла запряжённая бричка.

Подождав ещё около десяти минут, лавочник произнёс, осторожно дёргая за рукав пана Маницкого:

– Тепер вже точно не повернутися. Поїхали до дому, пан Маницький. А то, дивись і французи з'являться. Нехай вони там самі воюють, а у нас господарство. Ну чого нам ділити?

– І то вірно. Ну навіщо нам свої животи підставляти. А коли краще кланятися, так що Наполеонові, що Олександрові чи польським шляхтам, все одно. А ми живі і здорові. Нічого, поклоняємося так не переломимся, – піддержав його управляючий.

Маницький не отрываясь, смотрел в ту сторону, куда ушли русские.

– Сучье вим'я! Кляті москалі! І та шалава. Через батька переступила, сука! – зло произнёс он, потрясая кулаками, – Ну нічого, нічого! Тут ми ще подивимося! А раніше з цим

московським попом розберуся!

Затем вдруг резко обернулся, выхватил из-за голенища сапога короткую плётку и решительно направился к церквушке.

– Пан Маницкий, пан Маницкий! Господи, твоя воля! Що, що ти замислив? – приговаривали сопровождающие, хватая его за рукава одежды стараясь задержать., – Здався тобі цей піп? Повернеться донька. Почудит трохи та й поверне до дому. Змирися. Французи вже поруч. Треба ховатися, як би біди не сталося!

– Так що мені ті французи? Зганьбила мене, сука! – отмахиываясь от них, зло произнёс селянин, – Як в очі дивитися буду своїм селянам? А що скажу панові Ражецкому?

– Так у того пана що Ражецкий синок-то дурачек. Намається дівка з ним, – попробовал возразить лавочник, – Бачив я як-то, тієї барчонок піймав собачку та повісив її за шию. А після, з лука стрілами в неї, вогонь розвів, стрілки палить, так прям в пузо собачці мітить. Про тож йому радості було. Як нутро від сміху не надірав, так сміявся.

– Так, пан Маницкий. Навіщо доньку на таке обрекаєш? – поддержал товарища второй спутник.

Маницкий что было сил рубанул рукой по воздуху и прорычал, обращаясь к управляющему:

– Тобі яка нужда, що берешся міркувати? Босяцкое поріддя! А бабі і такий піде, чай не в казані варити. Зате гроші хороші і спорідненість. А я вже там розвернуся.

Он поднялся по лестнице и пинком ноги открыл двери. Его спутники последовали за ним, а последний, с опаской оглядев улицу, осторожно прикрыл вход, заперев его на крючок. Громко топая сапогами, пан Маницкий прошёл приговор, с шумом распахнул следующие двери и вновь оказался в главном зале церкви.

– Эй ты! – громко произнёс он, – Поп, выходи!

Он стоял, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Из-за широкого пояса виднелась ручка пистолета и кинжал. Его слова эхом поднялись под небольшой свод помещения. Селянин рывком сдёрнул с головы папаху и, потрясая длинным казацким чубом, бросил убор на пол.

– Выходи, собака московская!

Дверь открылась, и показался священник. Он приблизился к троице и спросил:

– От чего же ты кричишь, сын мой? Я здесь и ни от кого не прячусь.

Двое сопровождающих боязливо сняли папахы и поклонились, с опаской посматривая на пана Маницкого.

Увидев батюшку, Маницкий ткнул в него пальцем и спросил:

– Ага-а-а..., вот ты где, опричник! Я пришёл спросить тебя, от чего способил врагам, да отнял дитё моё от родителя!

Священник приблизился и произнёс:

– Вижу, гнев обуял тебя, сделав слепцом! Я вижу, у тебя оружие, как ты посмел зайти в божий дом при оружии,

не будучи воином? Молись, молись и Бог простит тебя! Но прежде я прощу тебя, возьму твои грехи на себя, если выразишь мне такое намерение! На колени!

Он решительно указал одной рукой на пол, а другой вытянул вперёд массивный железный крест. Лавочник бухнулся в ноги и стал что-то невнятное шептать. От такого неожиданного напора селянин открыл рот. Лицо его было бледным.

Наконец придя в себя, он произнёс:

– Да ты..., ты...! Как посмел так разговаривать со мной, с польским паном?

Маницкий вскинул руку вверх, в которой держал плётку.

– Не сметь! Не сметь! – одёрнул его священник.

– А я посмею, ещё как посмею! Я польский пан....

– А ведомо ли тебе, что нет для Бога государств? – перебил Маницкого священник, – Все едины пред ним и полек и арап и басурманин! Уходи, коли явился со злом, а болен чем, покайся, тогда выслушаю тебя и помогу!

– Скажи, как ты посмел без родительского благословения обручить мою дочь? – вскричал Маницкий.

– За то я сам отвечу, коли будет спрос! Плох и негоден тот родитель, что не способствует счастью своих детей

– Она названная! Я за польского пана отдать сговорился! Значит ты преступник!

Батюшка посмотрел на Маницкого, а затем на его спутников, что стояли у селянина за спиной. Управляющий боязливо поднял глаза, и быстро поднеся руку к голове, покру-

тил пальцем у виска, пытаясь беззвучно произнести какие-то слова. Поняв, он слегка кивнул головой.

– Так ты за хворого хотел дочь свою отдать? – гневно произнёс батюшка, сверкая глазами.

От неожиданности изо рта Маницкого потекла слюна. Он утёрся рукавом и ответил:

– А хоть и так, зато мельню и хороший калым мне был! Тебе-то что за нужда? Бабы, бесовское отродие, должно им беспрекословно подчиняться хозяину и тем более родителю.

– Ведомо мне, что ты дочь свою в «чёрном теле» держал. Не любил ты её, а всё выгоду себе искал. Господь смилоствовал над тобой, позволил твоему дитю народиться, а ты его продал.

Священник обернулся к иконам и стал креститься.

– Господи, справедливый. Оградил малое дитя от лиха, что задумал злостивец! Дай ему счастья, ниспошли благодать. О том молю тебя, Небесный Царь! Спаси и Сохрани их!

Помолившись, он через плечо вновь взглянул в сторону Маницкого и произнёс, указывая на дверь:

– А теперь ступай, чёрная твоя душа! Как мог ты пойти против Господа, что ниспосылает своим смиренным чадам любовь! Уходи! Более нечего мне тебе сказать.

Он развернулся и направился к келье.

– А-а-а...! – заголосил Маницкий, – Гореть тебе в аду московская собака!

«Бам..., бам..., бам», громко раздавались звуки от ша-

гов священника. Закусив до крови губы, он прикрыл глаза и ещё сильнее сжал в руке массивный крест, словно знал, чувствовал, что должно случиться что-то непоправимое, неестественное для жизни, что-то такое подлое. Ещё до того, как вновь появилась эта троица, он аккуратно записал в церковную книгу имена Дениса и Екатерины, дав высохнуть чернилам, не торопясь сложил книги на полку и сидел какое-то время, закрыв глаза. Он ждал этих людей. Они должны когда-нибудь появиться, а потом возможно и французы. Но от своего смирения, а более от ощущения правоты, лёгкая улыбка иногда пробежала по его лицу. Он ждал. Ждал и они пришли, и они звали его.

Выхватив пистолет, селянин взвёл курок и выстрелил в спину священника. Дым рассеялся. Все трое стояли словно истуканы, не в силах сдвинуться с места.

Наконец лавочник выдавил:

– Що ти наробив, пан Маницкий?

– А? – обернулся к нему хозяин, расставив руки, в одной из которых был ещё дымящийся пистолет, а другой так же сжимал плётку.

– Ой гріх нам гріх! Чорт смикнув з тобою зв'язатися! – запричитал управляющий и обратился к лавочнику, – Дмитро, треба бігти, ховатися, поки люди нас тут не схопили!

Они развернулись и быстро направились к выходу.

– А ну, стійте, боязкі собаки! Та я вас по світу пущу! – закричал им в след Маницкий, потрясая руками, – Та я вас

з потрохами куплю!

Не обращая внимания на слова хозяина, лавочник и управляющий быстро скрылись за дверями, что бы в тот же момент появиться вновь, пятась спинами вперёд. В дверях показался французский офицер с пистолетом в руке в сопровождении солдат, который не торопясь и внимательно оглядываясь, зашёл в церковь.

– Військові пани, ми тут не при чому! – стали наперебой оправдываться лавочник и управляющий, – Це все ось цей пан зробив! Дозвольте нам до дому податися? У нас дітлахи, так скотина не годовані!

С громким стуком пистолет выпал из рук Маницкого. Солдаты вскинули свои ружья, держа на прицеле мужиков.

– Ось бачите, пістолет тільки у того пана, а ми як є беззбройні! У мене є тільки прутик, яким я коня поганяти. Ми мирні селяни. Ось до церкви приїхали, помолитися...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.